

ДОКТОР ОТ БОГА

Памяти профессора
Г. А. Шифрина

Доктор от Бога

Памяти профессора
Г. А. Шифрина

Дике Поле
Запоріжжя
2025

Доктор от Бога: Памяти профессора Г. А. Шифрина
/Редакторы-составители Алина Шифрина, Валентина Редя ./ Запорожье, 2025. – 128 с.

Издание повествует о жизни и профессиональной деятельности выдающегося украинского ученого, доктора медицинских наук, профессора Григория Аркадьевича Шифрина (1934–2024). В книгу вошли отдельные материалы научной конференции памяти Г. А. Шифрина, воспоминания учеников и коллег, документы, рукописи и фото из личного архива семьи Шифриных.

*Выражаем искреннюю благодарность
всем, кто способствовал появлению
этой Книги памяти: поделился воспоминаниями,
предоставил фотоматериалы,
обеспечил необходимые контакты –
спасибо всем, чье сердце хранит светлую память
о Григории Аркадьевиче Шифрине.*

Шифрин Григорий Аркадьевич

12.10.1934 — 26.07.2024
Харьков, Украина Гамбург, Германия

Григорий Аркадьевич Шифрин – известный в Украине и за ее границами ученый, научные достижения которого сыграли важную роль в развитии перспективных направлений анестезиологии и реаниматологии. Активную научную деятельность совмещал с практической работой хирурга, анестезиолога-реаниматолога.

Доктор медицинских наук (1974), профессор (1981), член Всемирной ассоциации медицины катастроф и неотложной медицины (1976), член Правления Ассоциации анестезиологов Украины, член Нью-Йоркской академии наук (1996). Заслуженный деятель науки и техники Украины (1994).

Родился Г. А. Шифрин в Харькове. После окончания с отличием лечебного факультета Харьковского медицинского института в 1958 году был направлен в Изюмскую районную больницу ординатором хирургического отделения. Прошел специализацию по анестезиологии (1961) в Харьковской областной больнице под руководством профессора Н. И. Оболенцева и на кафедре анестезиологии-реаниматологии ЦОЛИУВ (Москва) под руководством профессора Е. А. Дамир (1963).

Работая в районной больнице, Г. А. Шифрин самостоятельно выполнил несколько научных работ по

применению ганглионарной блокады с целью оптимизации наркоза. Обосновав на одной из конференций собственный метод защиты организма больного во время хирургического вмешательства, обратил на себя внимание директора Харьковского научно-исследовательского института общей и неотложной хирургии профессора А. А. Шалимова.

Приняв его предложение, продолжил начатую работу в области анестезиологии, вернувшись в 1962 году в Харьков, где работал в возглавляемом А. А. Шалимовым НИИ общей и неотложной хирургии. В августе 1965 года был назначен на должность старшего научного сотрудника, в 1976 году стал руководителем отдела анестезиологии и реанимации этого института.

Под руководством профессора А. А. Шалимова в 1967 году Г. А. Шифрин успешно защитил кандидатскую диссертацию «Сравнительная оценка разновидностей ганглионарной блокады, применяемой для уменьшения риска тяжелых операций». Изучение реакций кровообращения во время анестезии и операции логически привело к защите докторской диссертации на тему «Операционная травма и центральная гемодинамика: механизмы изменения и возможности управления (клинико-экспериментальное исследование)» (1973).

16 октября 1978 года доктор медицинских наук Г. А. Шифрин был избран по конкурсу заведующим кафедрой Запорожского государственного института

усовершенствования врачей (ныне Запорожская медицинская академия – ЗМАПО), которую возглавлял более 25 лет.

В 1981 году Г. А. Шифрину присвоено ученое звание профессора.

Направлением научной деятельности кафедры под руководством Г. А. Шифрина стала разработка концепции антиноцицептивного обезболивания и гомеостазобеспечивающей интенсивной терапии массивной кровопотери, травматического и геморрагического шока, перитонита, полиорганной недостаточности.

По инициативе Г. А. Шифрина еще со времени его работы в ХНИОНХ начались разработки и клинические испытания интеллектуально-логических систем в анестезиологии и интенсивной терапии. На кафедре ЗМАПО его идеи воплотились в систему кибернетической интенсивной терапии (КСИИТ). Впервые в Украине был создан пакет программного обеспечения для оценки гомеостаза и интенсивной терапии критических состояний.

Г. А. Шифрин является пионером в разработке современной концепции многокомпонентного программированного внутривенного наркоза по целевой концентрации оксибутирата натрия. Концепция интегративной медицины, цель которой – сохранение биологической целостности организма, является главным направлением научных исследований профессора и его учеников.

На возглавляемой Г. А. Шифриным кафедре разработаны принципы опережающей подготовки врачей-анестезиологов на основе триединой дидактической системы.

Плодотворную научную и преподавательскую работу Г. А. Шифрин успешно сочетал с активной общественной деятельностью. В течение 25 лет (1980–2005) он являлся главным анестезиологом-реаниматологом Запорожского областного управления здравоохранения. По инициативе и при непосредственном участии Г. А. Шифрина в Запорожье и области было организовано и открыто 29 отделений анестезиологии и интенсивной терапии.

В 1994 г. профессиональная и научная деятельность Г. А. Шифрина была оценена присуждением почетного звания «Заслуженный деятель науки и техники Украины».

Г. А. Шифрин бессменно руководил работой научно-практического общества анестезиологов Запорожской области. В 1997 году был избран первым президентом Ассоциации врачей интенсивной терапии и анестезиологов Запорожской области. Впервые в Украине, в Запорожской области, Г. А. Шифриным организована школа интегративной медицины. Из-под его пера вышло более 400 научных публикаций, в том числе 17 монографий; он является автором 12 патентов на изобретения. Под руководством профессора Г. А. Шифрина подготовлено 23 кандидата и 3 доктора медицинских наук.

С 2005 года проживал в Гамбурге (Германия), продолжая научные исследования и до 2019 года — преподавательскую работу в Украине как профессор кафедры медицины катастроф, военной медицины, анестезиологии и интенсивной терапии Запорожского государственного медицинского университета. Новаторские идеи профессора Г. А. Шифрина в анестезиологии и реаниматологии продолжают развивать его многочисленные ученики и последователи.

ПАМ'ЯТІ КОЛЕГИ

Сумна звістка для колективу Запорізького державного медико-фармацевтичного університету – на 90-му році життя перестало битися серце відомого лікаря-анестезіолога і науковця, доктора медичних наук, про-

фесора, заслуженого діяча науки і техніки України, багаторічного професора кафедри анестезіології ЗДМУ та завідувача кафедри анестезіології та інтенсивної терапії ЗМАПО Григорія Аркадійовича Шифріна.

Важко переоцінити внесок Григорія Аркадійовича у розвиток вітчизняної інтенсивної терапії: з його ініціативи розроблена і впроваджена інтелектуально-логічна система в анестезіології та інтенсивній терапії, вперше в Україні створено пакет програмного забезпечення для оцінки гомеостазу при інтенсивній терапії критичних станів. Г. А. Шифрін є піонером у розробці сучасної концепції багатокомпонентного програмованого внутрішньовенного наркозу. Його унікальні наукові розробки в галузі анестезіології, зроблені на основі концепції біологічної цілісності організму, за багатьма напрямками визнані державою і захищені численними авторськими свідоцтвами. Велика наукова спадщина Григорія Аркадійовича – більше 400 наукових робіт, 22 наукові книги, із них 17 монографій. Він справедливо вважається засновником запорізької школи інтегративної медицини. Під керівництвом професора Шифріна захищено близько 30 дисертацій. Своїм багатим клінічним досвідом Григорій Аркадійович щедро ділився з лікарями-інтернами.

Професор Шифрін завжди демонстрував чудові організаційні здібності: з його ініціативи і за безпосередньої участі у Запоріжжі та області було організовано і

відкрито 29 відділень анестезіології та інтенсивної терапії. Впродовж багатьох років Г. А. Шифрін керував роботою науково-практичного товариства анестезіологів Запорізької області, а згодом був обраний президентом Асоціації лікарів інтенсивної терапії і анестезіологів Запорізької області.

Глибокі знання, ерудиція, постійний науковий пошук, неухильне піклування про поліпшення надання допомоги пацієнтам забезпечили Григорію Аркадійовичу безумовний авторитет і пошану серед колег і учнів.

Ректорат, професорсько-викладацький склад, співробітники, студентство Запорізького державного медико-фармацевтичного університету поділяють біль неоправної втрати і висловлюють щире співчуття рідним, близьким і всім, хто знав Григорія Аркадійовича Шифріна.

Примите искренние и глубокие соболезнования по поводу скоростижной смерти Григория Аркадьевича.

Профессора Л. В. Новицкая-Усенко, Е. Н. Клигуненко, Ю. Ю. Кобеляцкий, О. В. Кравец и весь коллектив кафедры анестезиологии, интенсивной терапии и медицины неотложных состояний ФПО Днепропетровского государственного медицинского университета, а также анестезиологи Днепропетровщины глубоко скорбят о невозполнимой утрате нашего дорогого коллеги и искренне разделяют горе близких и друзей.

Григорий Аркадьевич имел большой опыт практической работы, был очень самобытным ученым с оригинальным мышлением. Многие годы он тесно сотрудничал с днепропетровской научной школой анестезиологов, и это сотрудничество рождало новые идеи.

Память об этом Человеке, Враче, Учёном и Педагоге навсегда сохранится в наших сердцах.

РАЗДЕЛ I

УЧЕНЫЙ

Немає нічого практичніше надійної теорії
Г. А. Шифрін

ПРО НОВІ ТЕНДЕНЦІЇ ІНТЕНСИВНОЇ ТЕРАПІЇ

У Запорізькому державному медико-фармацевтичному університеті 16 листопада 2024 року відбулася Всеукраїнська науково-практична конференція «Критичні стани і біологічна цілісність організму: нові напрямки невідкладної та протективної інтенсивної терапії», приурочена до знаменної дати – 90-річчя наставника багатьох поколінь анестезіологів та реаніматологів, видатного вченого, професора Григорія Шифріна.

Конференція, вперше за ковідні та воєнні часи, стала велелюдним форумом, у якому взяли участь більш ніж 200 лікарів і науковців з різних міст України. Причому, понад 100 анестезіологів Запоріжжя і Дніпра були присутні наживо, інші ж підключалися онлайн, за допомогою Teams.

Відкрив конференцію і привітав учасників, побажавши плідної роботи, ректор ЗДМФУ професор Юрій Колесник. Юрій Михайлович, а далі і доповідачі, підкреслювали потужний внесок Г. А. Шифріна у розвиток вітчизняної інтенсивної терапії, чудові організаційні здібності, постійний науковий пошук, неухильне піклування про поліпшення надання допомоги пацієнтам та підготовку кваліфікованих спеціалістів галузі. Із хвилюючим привітанням і подякою колективу ЗДМФУ за гідне вшанування пам'яті вченого до учасників конференції з німецького Гамбурга звернулася вдова Григорія Аркадійовича Аліна Шифріна.

Провідні спікери з Києва, Харкова, Запоріжжя, Дніпра, Львова, Вінниці, Кропивницького, Тернополя, Хмельницького виголосили доповіді щодо сучасних технологій проведення анестезії та інтенсивної терапії при критичних станах у хворих у клінічній практиці, зокрема, в умовах воєнного стану. Йшлося

про протективні стратегії інтенсивної терапії для захисту організму; біологічну цілісність організму: реакцію на стрес та підтримку в умовах невідкладних станів; інноваційні технології та розробки у сфері невідкладної медицини.

Конференція була цікавою та корисною медичним працівникам, науковцям, а також всім, хто цікавиться питаннями критичних станів та інтенсивної терапії. А ще стала чудовою нагодою професійного спілкування.

Учасники дякували Збройним силам України за можливість проведення конференції у такому форматі.

*З сайту Запорізького державного
медико-фармацевтичного університету*

* * *

Конференцію відкрив *ректор Запорізького державного медико-фармацевтичного університету, доктор медичних наук, заслужений діяч науки і техніки України, професор Юрій Михайлович Колесник*, який зазначив, що для участі у науковому форумі зареєструвалося близько 200 осіб з різних куточків країни.

Запоріжжя – це місто, яке ніколи нікому не підкоряється. Понад 70% наших студентів відвідують заняття в аудиторному форматі. Ми працюємо, навчаємо, допомагаємо... Після приєднання до нас Медичної академії післядипломної освіти понад десять тисяч курсантів пройшло підготовку на базі нашої університетської клініки.

Наша конференція присвячена пам'яті професора Шифріна – видатної людини, яка влітку цього року пішла з життя. Григорій Аркадійович Шифрін багато років тому приїхав до Запоріжжя із Харкова, певний час працював у Медичній академії післядипломної освіти, потім у нашому університеті, у нас з ним були дуже теплі відносини. Григорій Аркадійович говорив, що треба обов'язково працювати зі студентами, вони завжди цікаві. Додам, що зараз студенти ще більш цікаві і дуже багато чого хочуть отримати.

На сьогодні існує Школа професора Шифріна, яка об'єднує багато його учнів. Це був оригінальний вечний, з оригінальними власними поглядами. Зверніть увагу на тему конференції: «Критичні стани і біологічна цілісність організму: нові напрямки невідкладної та протективної інтенсивної терапії». Григорій Аркадійович завжди дивився на організм як на складну цілісну систему. Ми з ним багато спілкувалися, навіть після від'їзду до Німеччини професор систематично приїздив до Запоріжжя, ми обговорювали широке коло різних питань... Я дуже вдячний йому за те, що він у нас працював і залишив такий значний слід.

Нині у Запоріжжі ми маємо найкращий в Україні симуляційний, або тренінговий, центр на чотири тисячі квадратних метрів, як у провідних медичних університетах Європи. За період війни понад сім тисяч представників Сил оборони, поліції, Служби безпеки, тероборони безкоштовно пройшли навчання завдяки нашим фахівцям. Тож ми працюємо і будемо працювати надалі.

Сергій Іванович Воротинцев зауважив, що Григорій Аркадійович Шифрін завжди був демократичним вченим і педагогом, тож, дотримуючись закладених професором традицій, закликав присутніх до вільного спілкування у невимушеній атмосфері конференції.

Був озвучений вітальний лист, отриманий від *Аліни Ісааківни Шифріної*:

«Сердечное спасибо ректору ЗДМФУ, заслуженному деятелю науки и техники Украины, профессору Колеснику Юрию Михайловичу, профессору Воротынцеву Сергею Ивановичу, профессору Туманскому Валерию Алексеевичу, членам Оргкомитета, участникам конференции за светлую память о моем дорогом и незабываемом муже Григории Аркадьевиче Шифрине.

Мы прожили вместе почти семь десятков лет. Жизнь была полна учебой, трудом, радостями и горестями, большими и маленькими, но без сомнения – любовью и счастьем.

Мне 90 лет, супруг немного не дожил до этой даты, и теперь моя заветная мечта создать книгу в память о нем, не только для сына, внуков и правнуков, но и для тех, кто его знал. Если в победившей Украине, в частности, в Запорожье, будет создан музей медицинских работников, она, надеюсь, найдет в нем свое место.

От всей души желаю конференции успешной плодотворной работы, новых научных достижений каждому из присутствующих».

Курсов Сергій Володимирович – доктор медичних наук, професор кафедри медицини невідкладних станів та медицини катастроф Харківської медичної академії післядипломної освіти.

ПРОФЕСОР Г. А. ШИФРІН: ПОЧАТОК ЖИТТЄВОГО ШЛЯХУ ТА ФОРМУВАННЯ ОСОБИСТОСТІ

Вельмишановні колеги. На жаль, тих людей, хто працював з Григорієм Аркадійовичем Шифріним та був з ним особисто знайомим, вже майже нікого не залишилося – час летить. Г. А. Шифрін – знакова постать в медичній галузі як для Запоріжжя, так і для міста Харкова, заслужений діяч науки і техніки України, доктор медичних наук, професор, член Всесвітньої асоціації медицини катастроф.

Григорій Аркадійович народився у Харкові та закінчив Харківський медичний інститут. Його мати

була відомим лікарем-неврологом. Після закінчення вищого навчального закладу протягом шести років працював ординатором хірургічного відділення Ізюмської центральної районної лікарні. Вже тоді він зацікавився методами гангліоплегії в хірургії та анестезіології і розробляв власний метод захисту організму хворих під час хірургічного втручання. Про цей метод він і доповів на конференції, на якій був присутній директор Харківського науково-дослідного інституту загальної та невідкладної хірургії професор *Олександр Олексійович Шалімов*. І саме професор Шалімов зміг високо оцінити науковий потенціал Григорія Аркадійовича. О. О. Шалімов протягом 1959–1960-го років був провідним хірургом у лікувальних та наукових закладах Харкова. Він був завідувачем кафедри торакальної хірургії та анестезіології Українського інституту удосконалення лікарів, а з 1965 року став директором Харківського науково-дослідного інституту загальної та невідкладної хірургії. На його запрошення Григорій Аркадійович у 1965 році повернувся до Харкова і протягом 13 років працював у цьому інституті.

Обговорюючи практичну та наукову діяльність професора Шифріна, неможливо не згадати імена тих фахівців, поряд з якими він працював і проводив наукові дослідження. Адже ці зовсім не рядові спеціалісти допомагали йому в його дослідженнях, і він їм так само допомагав. Перед тим, щоб відповідати високому рівню науково-дослідного інституту, Григорій Аркадійович приїздив до Харкова, де навчався інту-

бації трахеї та проведенню інгалаційних анестезій з трахеальною інтубацією та міорелаксацією. Його навчав *Чернін Михайло Семенович*, який тоді працював і хірургом, і анестезіологом, проте кінець кінцем обрав хірургію і протягом тривалого часу працював хірургом торакального відділення Харківського клінічного онкологічного диспансеру. Анестезіологічну службу цього диспансеру очолив *Вадим Пилипович Харченко*, якого Григорій Аркадійович також добре знав. Саме Вадим Пилипович Харченко став моїм першим вчителем в анестезіології, адже я мав підготовку лікаря швидкої медичної допомоги і від початку навчався на кафедрі швидкої медичної допомоги Українського інституту удосконалення лікарів – першій в СРСР кафедрі такої спрямованості, де працював мій теперішній шеф Вадим Володимирович Ніконов.

Отже, в 1965 році Григорій Аркадійович Шифрін став співробітником Харківського науково-дослідного інституту загальної та невідкладної хірургії. А вже у 1967 році захистив кандидатську дисертацію на тему «Порівняльна оцінка різновидів гангліонарної блокади, що застосовуються для зменшення ризику тяжких операцій». Захист відбувся в місті Курську. Зрозуміло, що керівником його дисертації був професор Шалімов. Це була практично перша дисертація з анестезіології, підготовлена в інституті. В той самий час кандидатські дисертації захистили такі спеціалісти, як *Безпальчий Анатолій Миколайович* (тема дисертації «Гідро-іонний баланс у зв'язку з операціями на серці (клініко-лабораторні дослідження)»; захищався в Москві і після за-

хисту почав працювати в одній із московських клінік); *Кекало Василь Борисович* (дисертація «Динаміка змін вмісту калію та натрію при гострих запалювальних хворобах органів черевної порожнини») – це лікар, який потім цілком присвятив себе хірургії; *Екзархов Віталій Олександрович* (тема дисертації «Динаміка вмісту заліза, міді, алюмінію та кремнію в організмі хворих, оперованих на серці і на легенях», 1968) – цю постать також мають пам'ятати у Запоріжжі, адже саме доцент Екзархов тривалий час знаходився на посаді завідувача кафедри анестезіології та інтенсивної терапії на факультеті удосконалення лікарів.

Зверніть увагу, що в ті часи дуже багато зусиль було присвячено вивченню вмісту електролітів та певних мікроелементів у біологічних рідинах і тканинах організму людини, хворих. Все пояснюється тим, що в той період клініка все більше розширялася, з'явилась імпортна апаратура для проведення полум'яної фотометрії, і багато дисертацій було написано саме завдяки цій апаратурі. Проте Григорій Аркадійович обрав шлях і спрямованість наукового дослідження. Серед тих, з ким він працював, обов'язково слід згадати *Редькіна Віталія Григоровича* (у 1971 році захистив дисертацію на тему «Кислотно-лужний стан при хірургічному лікуванні хворих з цирозами печінки та механічною жовтяницею») – його постать примітна тим, що він досконало, як тоді казали, на європейському рівні, знав устрій таких приладів, як МікроАструп, а потім АБЛ – лабораторії фірми Радіометр. Він підтримував роботу імпоротної апаратури, калібрував апарат газовими сумі-

шами та рідинами з стандартизованими показниками РН, підтримував функціонування капілярної системи цієї апаратури та навіть самостійно відновлював платинові електроди для електрохімічного дослідження.

За часи роботи Григорія Аркадійовича в Інституті загальної та невідкладної хірургії м. Харкова активно впроваджувалися сучасні методи дослідження гемодинаміки. Починали з методів розведення індикаторів, визначали обсяг циркулюючої крові за допомогою поліглюкіну, навчалися реографії, проводили катетерізації легеневої артерії за методикою Сван-Ганца під реографічним контролем. І скоро дуже широко стало застосовуватися дослідження центральної гемодинаміки методами тетраполяної грудної реографії за Кубічком та методом інтегральної біполяної агрегації за Тищенком. Також виконувалися перші спроби визначення обсягу водних компартментів організму хворих за допомогою імпедансметрії при накладанні електродів за методикою Тищенка. Г. А. Шифрін на підставі цих досліджень запропонував визначення показника транскапілярного обміну. Можливість оцінювати серцевий вихід, напруження тисків артеріальної та венозної крові, а разом з ними і доставку та споживання кисню, стала потім потужним підґрунтям методики статусметрії, розробку якої Григорій Аркадійович завершив уже в м. Запоріжжі.

Олександр Олексійович Шалімов у 1970 році попрямував до міста Києва, де обійняв посаду завідувача кафедри торакоабдомінальної хірургії Київського інституту хірургії удосконалення лікарів та директора

науково-дослідного інституту гематології та переливання крові, а Харківський НДІ загальної та невідкладної хірургії з 1970 року очолив Володимир Терентійович Зайцев, ім'я якого носить тепер Інститут хірургії Академії медичних наук України.

З 1972 року Г. А. Шифрін став завідувачем анестезіологічного відділу Харківського НДІ загальної та невідкладної хірургії. В цей час в інституті виконувалися дисертаційні дослідження – зрозуміло, що Григорій Аркадійович був цілком інформований про їх результати і як завідувач відділу допомагав виконувати дисертаційні роботи. Поряд з ним працювали: *Морєв Анатолій Григорович* – спортсмен-альпініст (на жаль, загинув під час гірського походу) – у 1972 році захистив дисертацію на тему «Особливості функціонального стану правого шлуночка та легеневого кровотоку при цирозі печінки до і після оперативного лікування»; *Трубецькой Борис Георгійович* – захистився у 1972 році (тема дисертації «Методи гангліоплегії без гіпотонії, що застосовуються в анестезіології: їх гемодинамічна характеристика»). Це один із найближчих друзів Григорія Аркадійовича в м. Харкові, до пенсії працював в Інституті загальної та невідкладної хірургії; *Цукерман Михайло Анатолійович* – ще один його добрий товариш, у 1973 році захистив дисертацію на тему «Нейролепсія, гангліоплегія, адренергічна блокада і полінаркоз у лікуванні хворих на опікову хворобу», після чого очолив анестезіологічну службу в Інституті ендокринології м. Харкова. Офіційним керівником цих робіт був тоді ще Олександр Олексійович Шалімов.

Серед найближчих друзів Григорія Аркадійовича були *Клименко Геннадій Андрійович* – після професора Валентина Андрійовича Аркатова був ректором з наукової роботи вже не в Українському, а в Харківському інституті удосконалення лікарів. Його дружина *Клименко Антоніна Олександрівна* – також співробітниця Харківського НДІ загальної та невідкладної хірургії, потім працювала начмедом Харківського обласного клінічного онкологічного диспансеру.

У житті Григорія Аркадійовича був складний період, коли він протягом певного часу жив у родині професора Клименка. Вони були найбільші друзі і найбільші опоненти, адже могли годинами вдаватися до наукових дебатів. Григорій Аркадійович мешкав у десяти хвилинах ходи від Інституту, тож одним із перших приходив і одним із останніх залишав роботу. Мешкав на вулиці Дерев'янка (зараз це вулиця Героя України Станіслава Партали). Поряд з Г. А. Шифріним на краю Павлова Поля також мешкало багато працівників Інституту. Це пояснюється тим, що свого часу професор Шалімов вдало прооперував першого секретаря Харківського обласного комітету Компартії України Григорія Івановича Ващенка, і після цього багато працівників Інституту отримали власне житло. Зараз у квартирі, де мешкав Григорій Аркадійович, проживає завідувачка відділення інтенсивної терапії Харківської лікарні швидкої та невідкладної допомоги (саме того реанімаційного відділення, яке протягом двадцяти років очолював доцент Екзархов) Вікторія Іванівна Івлєва.

Сам же Григорій Аркадійович у 1973 році захистив докторську дисертацію на тему «Операційна травма та центральна гемодинаміка: механізми змін та можливість управління (клініко-експериментальне дослідження)», захист відбувся у Москві. З 1978 року, витримавши конкурс, очолив кафедру анестезіології та інтенсивної терапії у Запорізькому державному інституті удосконалення лікарів. З того часу вся його подальша діяльність була пов'язана з цілеспрямованою підготовкою медичних кадрів.

Г. А. Шифрін був одним із піонерів кібернетичної медицини, адже для опису провідних фізіологічних процесів, що відбуваються в організмі, він намагався використати математичні формули. Багато з цих формул представлені в монографії про інтенсивну терапію при крововтраті, яку він написав разом з Людмилою Василівною Усенко. Ця монографія свого часу була дуже популярною серед харківських анестезіологів, і всі анестезіологи Харкова прагнули обов'язково покращити свою фахову підготовку на факультеті удосконалення лікарів саме в Запоріжжі.

Першим же офіційним учнем Г. А. Шифріна став *Анатолій Антонович Хижняк*, який у 1979 році, коли Григорій Аркадійович вже працював у Запоріжжі, захистив дисертацію на тему «Концентрація оксидутирату натрія в умовах хірургічної крововтрати (клініко-експериментальне дослідження)». Дисертація ґрунтувалася на дослідженнях, що були виконані за допомогою методу високоточної газово-рідинної хроматографії. Такі методи дослідження впроваджувалися та проводилися

в Харківському НДІ загальної та невідкладної хірургії за часів роботи там Г. А. Шифріна.

Отже, шановні колеги, згадаємо теплим і добрим словом видатного радянського і українського вченого, великого ентузіаста Шифріна Григорія Аркадійовича – саме за його безпосередньою участю анестезіологія та інтенсивна терапія досягали високого світового рівня.

Туманський Валерій Олексійович – доктор медичних наук, професор, проректор з наукової роботи ЗДМФУ;

Воротинцев Сергій Іванович – доктор медичних наук, професор, завідувач кафедри анестезіології та інтенсивної терапії ЗДМФУ.

ПРОФЕСОР Г. А. ШИФРІН – ВІД ПРОГРАМОВАНОЇ НЕВІДКЛАДНОЇ ДОПОМОГИ ПРИ КРИТИЧНИХ СТАНАХ ДО БІОЛОГІЧНОЇ ЦІЛІСНОСТІ ОРГАНІЗМУ

Виступ В. О. Туманського:

Григорій Аркадійович Шифрін – величезна постать, висококваліфікований анестезіолог, видатний вчений, який створив науково обґрунтовану, але практичну концепцію невідкладної допомоги хворим при критичних станах. Все життя він поєднував клінічну роботу з експериментальною, навіть його докторська дисертація була клініко-експериментальним дослідженням. Ще Григорій Аркадійович – педагог від

Бога. У ньому завжди, щоденно, щохвилини поєднувалося три в одному: Вчений, Практик, Педагог.

Я працював з Григорієм Аркадійовичем з 1975 року. Я патологоанатом, а він був завідувачем кафедри анестезіології та інтенсивної терапії. На той час протягом шести років я особисто виконував розтин померлих хворих реанімаційного відділення – бази кафедри анестезіології, якою керував Григорій Аркадійович, і щотижнево проводив клініко-патологоанатомічні конференції. Збиралося 20–40 осіб, залежно від часу (курсанти, інтерни, лікарі), я приходив зі своїми нейропрепаратами, макропрепаратами, і проводився ретельний аналіз клінічних та посмертних даних, аналізувався танатогенез – здійснювався аналіз клінічних можливостей допомогти іншим хворим у критичних ситуаціях.

На той час це були ранні розтини і посмертні дослідження крові померлих хворих, які виконувалися в тій же біохімічній лабораторії, де обстежували хворих за життя, тобто була повна перенесеність. На цих конференціях виступали і курсанти, і інтерни, і лікарі – стосовно тих тем, які вони збирали, – тож практика, наука і теорія – все було поєднано. Це дало нам змогу йти поруч у наукових дослідженнях. У нас були кандидати наук захищені, у нас планували і виконували докторські дисертації Сергій Ілліч Андреев, Петро Петрович Олійник – ми працювали разом.

Про деякі етапи життєвого шляху Григорія Аркадійовича:

У 1958 році закінчив «з відзнакою» Харківський медичний інститут за спеціальністю «Лікувальна справа».

З 1967 року – кандидат медичних наук (тема дисертації «Порівняльна оцінка різновидів гангліонарної блокади для зменшення ризику тяжких операцій».

З 1971 – старший науковий співробітник.

У 1973 році захистив докторську дисертацію на тему «Операційна травма та центральна гемодинаміка: механізми змін та можливість управління (клініко-експериментальне дослідження)».

З 1974 – доктор медичних наук.

1976–1978 – керівник відділу анестезіології Харківського НДІ загальної та невідкладної хірургії.

1978–2004 – завідувач кафедри анестезіології та інтенсивної терапії Запорізького державного інституту вдосконалення лікарів (ЗМАПО).

З 1981 року – професор.

З 1994 – заслужений діяч науки і техніки України.

2004–2019 – професор кафедри медицини катастроф, військової медицини, анестезіології та інтенсивної терапії Запорізького державного медичного університету.

Під керівництвом Г.А. Шифріна захищено 23 кандидатські та 3 докторські дисертації. Він є автором понад 300 наукових праць, в т. ч. монографій та посібників, а також 12 патентів на винахід.

Працюючи в нашому університеті, Григорій Аркадійович організовував так звані «Школи». Це була прекрасна ідея і хочу сказати, що найбільше щастило тим курсантам, які навчалися у травні-червні – з ініціативи Григорія Аркадійовича заняття проводилися на березі Азовського моря. Збирали курсантів,

замовляли автобуси, виїздили до міста Бердянська, де поселялися на базі відпочинку і протягом десяти днів – двох тижнів проводили лекції (їх читали професори з різних міст України). Але не тільки наукою були наповнені ці дні – одночасно проводилися інтенсивні мозкові штурми, спортивні змагання (зокрема, з волейболу), заняття серфінгом, а також обов'язковий конкурс на найкращий, найяскравіший танець. Григорій Аркадійович був людиною, просто людиною, яка виховувала не лише власних дітей, але й своїх учнів.

Ось теми деяких конференцій, які проводив Г. А. Шифрін:

2003 – «Основи інтегративної медицини» (Бердянськ).

2005 – «Критичні стани: патогенез, діагностика, сучасні методи лікування» (Запорізький медичний університет, острів Хортиця).

2010 – «Енергоресуститація при церебральній недостатності» (Запорізький медичний університет).

Хочу додати, що Григорій Аркадійович був жвавим дискусантом, завжди підтримував новаторські ідеї і прагнув реалізувати їх у житті. Теоретичні напрацювання були покладені Григорієм Аркадійовичем в основу практичної програми, яка була зроблена у комп'ютерному варіанті і постійно оновлювалася. Основні свої наукові здобутки та практичні рекомендації Г. А. Шифрін виклав у 12 монографіях останніх років (всього у нього 17 монографій). Він підготував 23 кандидати та 3 доктори медичних наук.

Виступ С. І. Воротинцева:

Думаю, що найбільше до нас сьогодні підключилися анестезіологи, тому хочу висвітлити певні етапи (на мій погляд) професійного, насамперед, наукового життя Григорія Аркадійовича – людини, яка заснувала Запорізьку школу анестезіології і була відома не тільки в Україні. Навчатися до професора Шифріна приїжджали анестезіологи з усього того об'єднання, що було раніше (СРСР – ред.).

Пам'ятаєте ці книжки? Перша – *«Інтенсивна терапія при крововтраті»*, 1990 рік (потім були і друге, і третє видання). Особисто я прийшов в анестезіологію, тому що прочитав цю книжку. Всі ми пам'ятаємо ті розрахунки, формули – як відновлювати крововтрати, які компоненти використовувати... Коли я прочитав книгу і почав це робити – все почало виходити!

Наступне видання – *«Концепція антицицептивного знеболювання»* – можна віднести до основних книг з анестезіології у світі. Розглядаються питання не тільки як правильно проводити анестезію, але як правильно проводити анестезію для того, щоб адаптувати пацієнта до хірургічної травми, до пошкоджень, і вивести його з цих пошкоджень. Це книга 1993 року. Коли про PSR (Standards Recommendations) ніхто навіть не говорив, Григорій Аркадійович (сумісно з Анатолієм Антоновичем Хижняком, який провів дослідження) прописав у цій книзі дозування цільової концентрації для ГОМКа, і запропоновану схему введення цього препарату одразу почали використо-

вувати. У світі таких рекомендацій ще не було, вони з'явилися близько 2000 року, а у 1993-му це був просто прорив.

Наступне видання – *«Наукові основи інтегративної медицини»* – ще один крок вперед. Інтегративна медицина розглядається з точки зору розуміння енергодинамічного потенціалу, структурної цілісності організму. Мені пощастило – в той час я був аспірантом на кафедрі Григорія Аркадійовича, ми навіть зробили програму щодо біологічної цілісності організму, і курсанти, які приходили на вдосконалення, на спеціалізацію, отримували ці програми.

Ті, хто працював з Григорієм Аркадійовичем, знають його особливість: складними словами говорити про прості речі. Але не для того, щоб показати, що я більше знаю, ніж інші, а для того, щоб ми з вами розвивалися далі. Щоб ті прості речі ми розуміли з точки зору біологічного потенціалу, структурної цілісності клітин – і це був справжній прогрес, прорив... Якщо є біологічна цілісність – має бути й біологічна стійкість.

Ще дві книжки (*«Відновлення біостійкості до крововтрати»* та *«Відновлення біостійкості при сепсисі»*) були наступним етапом, який підсумував посібник *«Короткий курс управління біостійкістю організму»*. У цій книзі наведені усі дані дослідження і концептуальний підхід до стратегії управління біологічною стійкістю організму. Після прочитання цієї книги більше розумієш про те, як правильно інтенсивно лікувати критичного хворого.

Сьогодні вже говорили про те, що Григорій Аркадійович був видатним педагогом і думав не тільки про анестезіологів, але й про інші спеціальності, і про студентство, тому в наступних книжках – *«Нові горизонти лікарського інтелекту»* та *«Основи лікарської компетентності»* (друга написана у співавторстві з поважними членами президії сьогоднішньої конференції) йшлося про концептуальний підхід для підвищення нашої з вами компетентності. Людина думала про те, що ми повинні постійно зростати професійно. До речі, від Григорія Аркадійовича я почув такий вислів: «Якщо анестезіолог не йде вперед, це не означає, що він стоїть на місці. Це означає, що він іде назад». Думаю, що це стосується усіх лікарів...

«Стратегія периопераційної медицини», видання 2012 року. Коли анестезіологи почали вважатися лікарями периопераційної медицини у світі? В 2016 році вперше була заява про те, що анестезіолог – це лікар периопераційної медицини. Григорій Аркадійович сказав про це у 2012 році. У мене таке враження, що він випереджав час. Звідки він брав ті ідеї, які були потім підтверджені на світовому рівні? Питання риторичне.

«Персоніфікація периопераційної безпеки». Про безпеку в анестезіології у Європі почали говорити в 2010 році, але то безпека стосовно самого робочого місця, критичних ситуацій... Григорій Аркадійович розглядав безпеку з позицій біологічної цілісності організму, енергоструктурного дефіциту, біостійкості – тобто це інший погляд, але він також має право на

життя. До речі, сьогодні ми почуємо доповідь з Києва його учня, який захистив докторську дисертацію, і там теж є слово «персоніфікація» – те, що мав на увазі Григорій Аркадійович. Анатолій Іванович Денисенко розвинув і показав, яким чином можна прорахувати метаболізм реальний метаболізму будь-якого хворого. Програма є, її можна використовувати.

І ще одна книжка – *«Віталологія»*. Віталологія – це наука про забезпечення життєздатності людини шляхом використання інноваційних методів оптимізації інтенсивності та сполученості її енергоструктурного статусу відповідно до змінних програм геному. Ідеологема та технології віталології розширяють лікарську компетентність. Стане можливим об'єднаний організаційний підхід до етіотропного лікування захворювань та ушкоджень, а також до усунення енергоструктурних порушень біологічної цілісності організму самих хворих та постраждалих. Ключове слово – стане можливим. Григорій Аркадійович завжди дивився вперед. Він дає нам послання: вивчайте анестезіологію, віталологію, патофізіологію, патанатомію... Вивчайте, йдіть вперед. Пам'ятаю ще один вислів від Григорія Аркадійовича: «Немає нічого практичніше надійної теорії».

Додам, що ці книги є, при бажанні їх можна отримати в електронному варіанті – звертайтеся.

І наостанок. Григорій Аркадійович дуже любив людей. Коли помирав, на жаль, хтось із анестезіологів, він на п'ятихвилини в обласній лікарні завжди говорив фразу, яку я зараз повторю: «Царство йому Небесне, а нам, Господи, дай здоров'я».

О ВИТАЛИЗМЕ

В своей последней книге о витализме¹ профессор развивает воистину революционную идею, суммируя все то, о чем он ранее говорил и над чем так долго трудился.

Представим на минуту, что человек, как и любое живое существо, имеет свою характерную природу, которую можно разбить на клеточный механизм. Таким образом, у каждого человека определенное число клеток, характерное только для него. Кроме того, каждая клетка генерирует определенное количество энергии. У одних людей ее больше, и эти люди выглядят для окружающих более трудоспособными, медленнее устают и в состоянии сделать за свой день больше других. Так вот, представьте себе, что количество клеток в теле человека, как и количество энергии, вырабатываемое одной клеткой, можно измерить. А путем умножения количества энергии, вырабатываемого одной клеткой, на число клеток, можно определить жизненную силу каждого организма, т.е. человека. И это профессор назвал «витализмом» от слова *vita* – жизнь.

Итак, зная нормальные величины витализма (в границах, например, от 200 до 400), можно предположить, в каком режиме находятся и работают клетки

1 **The fundamentals of vitalism.** Prof. Gregoriy Shifrin. Published by Clink Street Publishing, 2021. First edition. The author asserts the moral right under Copyright, Designs and Patents Act 1988 to be identified as the author of this work.

и органы человека. Если ниже, например, 200, то человек заболевает, его витализм (жизненные резервы) уменьшается и может достичь критических значений, из которых уже «не выбраться». И наоборот, когда более 400 – организм работает на износ и истощает свои силы, что и бывает в результате болезни. Вот такая теория была положена профессором в основу разработки различных направлений лечения, опираясь на расчетное число витализма.

Существует брошюра «Аудит витализма», где приведены формулы для расчета показателей витализма. И в зависимости от результатов можно делать выводы о стадии разрушительного процесса (болезни) и находить пути его урегулирования, т.е. лечения.

И наконец, во время лечения, если «число витализма» в результате наших действий начинает увеличиваться и приближаться к норме, значит мы, доктора, на верном пути. А если нет, значит нужно пересмотреть наши протоколы и провести диагностику опять, корректируя и фокусируя свою терапию на достижение других целей. Например, уделить внимание микроциркуляции или скорректировать кислотно-щелочной обмен. Это еще один пример нестандартного мышления и решения задач, за что профессор был очень почитаем и в чем ему не было равных.

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Г. А. ШИФРИНА

Шалимов А. А., Шифрин Г. А. Современные методы ганглиоплегии в хирургии и анестезиологии. Киев, 1975.

Шалимов А. А., Гуляев Г. В., Шифрин Г. А. Реакция кровообращения на операционную травму. Киев, 1977.

Усенко Л. В., Шифрин Г. А. Концепция антиноцицептивного обезболивания. Киев, 1993.

Усенко Л. В., Шифрин Г. А. Интенсивная терапия при кровопотере. Киев, 1995.

Шифрин Г. А., Шифрин А. Г. Научные основы интегративной медицины. Запорожье, 1999.

Шифрин Г. А., Милица Н. Н., Луценко Н. С., Андреев С. И. Интегративная инфузионная медицина. Запорожье, 2001.

Шифрин Г. А. Организация и стандартизация интенсивной терапии и обезболивания. Практическое руководство. Запорожье, 2001.

Шифрин Г. А. Пособие по интегративной медицине. Киев, 2003.

Шифрин Г. А., Горенштейн М. Л. Восстановление биоустойчивости при сепсисе. Киев, 2004.

Шифрин Г. А. Восстановление биоустойчивости к кровопотере. Запорожье, 2007.

Шифрин Г. А. Интегративная медицина: от критических состояний до реабилитации. Пособие для врачей. Запорожье, 2007.

Шифрин А. Г., Шифрин Г. А. Медицина биологической целостности организма. Запорожье, 2009.

Шифрин Г. А., Шифрин А. Г. Краткий курс управления биоустойчивостью организма. Запорожье, 2009.

Шифрин Г. А., Шифрин А. Г. Новые горизонты врачебного интеллекта. Запорожье, 2010.

Шифрин А. Г., Шифрин Г. А. Стратегия периоперационной медицины. Запорожье, 2012.

Колесник Ю. М., Туманский В. А., Шифрин Г. А. Основы врачебной компетентности. Запорожье, 2013.

Шифрин Г. А. Персонификация периоперационной безопасности. Запорожье, 2016.

Шифрин Г. А., Туманский В. А., Колесник Ю. М. Виталология. Запорожье, 2018.

Shifrin, Gregoriy. The Fundamentals of Vitalism. Published by Clink Street Publishing, 2021 (First edition).

РАЗДЕЛ II

УЧИТЕЛЬ

Петр Петрович Олейник, *кандидат медицинских наук, врач-анестезиолог высшей категории*

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

В октябре 1978 года я работал ассистентом кафедры анестезиологии и реаниматологии Запорожского Государственного института усовершенствования врачей. В ректорате объявили, что по результатам конкурса на должность заведующего кафедрой назначен Григорий Аркадьевич Шифрин. Информации о нем было мало: молодой доктор медицинских наук из Харьковского НИИ, директором которого был очень известный хирург А. А. Шалимов. Мы с интересом ждали приезда нового руководителя.

И вот в конце октября, в середине рабочего дня доцент Ю. Ф. Курочкин знакомит доктора медицинских наук Г. А. Шифрина с работой отделения реанимации и интенсивной терапии Запорожской областной многопрофильной больницы. В тот момент мы с курсантами цикла усовершенствования врачей выполняли операцию трахеостомии для обеспечения длительной искусственной вентиляции легких. Молча он оценил обстановку, и, как мне показалось, отнесся к происходящему с одобрением. Но это было ошибочное впе-

чатление. Для того, чтобы получить одобрение, а тем более похвалу от Григория Аркадьевича Шифрина, надо было иметь не только достаточный уровень профессиональных знаний, умений и навыков, но и, самое главное, – применять их своевременно, адекватно, результативно.

Когда он приехал в Запорожье заведовать кафедрой анестезиологии и реаниматологии в Запорожском институте усовершенствования врачей, у него за плечами был большой опыт практической и научной работы Харьковской школы хирургии и анестезиологии. Это был молодой ученый с энциклопедическими знаниями, хорошо воспитанный, организованный и пунктуальный, а в вопросах ответственности – педантичный. Обладал очень хорошей памятью, постоянно совершенствовал свои природные качества. В Запорожье ему пришлось овладевать лекторским мастерством. Он привез с собой много книг и журналов. Его постоянно видели в медицинских библиотеках города. Молодые врачи тянулись к нему как к источнику нового, передового. Некоторые из тех, кто постарше, были настроены скептически. Начиная свою работу в Запорожье, он провел несколько циклов повышения квалификации специально для врачей-анестезиологов Запорожской области, тем самым помог завершить нашу трансформацию из «ремесленников» во врачей-анестезиологов с клиническим мышлением. Он провел большую работу по реорганизации анестезиологических групп, входящих в состав хирургических отделений, а также в отделениях анестезиологии с па-

латами интенсивной терапии не только в городских, но и в центральных районных больницах.

Работа общества анестезиологов-реаниматологов Запорожской области, председателем которого был Григорий Аркадьевич, была ориентирована на повышение качества оказания лечебной помощи сельскому населению районов области. Его мысли и действия всегда были направлены на опережение. Так, для решения вопросов своевременной эвакуации тяжелых больных из районов в специализированные центры города Запорожья, еще в начале 80-х годов, по инициативе Григория Аркадьевича, была организована дистанционная диспансеризация тяжелых больных в центральных районных больницах. Информация передавалась по телетайпу в отделение реанимации и интенсивной терапии областной клинической больницы, обрабатывалась на ЭВМ, определялись риски. Принималось решение о привлечении санавиации для обеспечения консультации или эвакуации. Тогда еще не было персональных компьютеров, мобильной связи, интернета и телемедицины.

Наряду с реорганизацией работы службы анестезиологии и интенсивной терапии в Запорожской области Григорий Аркадьевич параллельно занимался планированием научной работы коллектива кафедры. По его предложению сотрудники кафедры начали целенаправленно заниматься вопросами лечения геморрагического, травматического, септического шока и разработкой кибернетической системы индивидуализированной интенсивной терапии (КСИИТ). Для это-

го нам пришлось осваивать и внедрять новые методики исследования центральной гемодинамики, объема циркулирующей крови, транспорта и потребления кислорода и др.

Многие практические врачи-анестезиологи из городских и центральных районных больниц, не говоря уже об ассистентах, аспирантах и клинических ординаторах, занимались научными изысканиями. Под руководством Григория Аркадьевича защищали диссертации, становились профессионалами высокого класса. Основным направлением научных исследований были антиноцицептивная защита и гомеостазобеспечивающая интенсивная терапия в периоперационном периоде. Григорий Аркадьевич был энтузиастом применения медицинской кибернетики в лечебной работе. Благодаря ему были приобретены первые ЭВМ «КТС-ЛИУС» и «СМ-4». Были разработаны и реализованы медицинские программы: кибернетическая система индивидуализированной интенсивной терапии (КСИИТ) и др.

Было очевидно, что ни одна из клинических специальностей не использует столько формул и расчетов, как анестезиология. Особенно это было характерно для школы Григория Аркадьевича Шифрина. Его лекции, которых было много, всегда содержали тщательно подобранный иллюстративный материал с таблицами и слайдами, насыщенными убедительными цифрами и формулами. Он объяснял, что для применения в анестезиологии методов медицинской кибернетики нужно процессы, происходящие в организме

человека, предоставить компьютеру в виде модели, формул, алгоритмов. Тогда становится реальным цифровое, или, как сейчас говорят, дигитализация.

В середине 1990-х, обобщив результаты предшествующих научных исследований, Григорий Аркадьевич занялся разработкой основ интегративной медицины. Изучение влияния ресурсообеспечения и энергопродукции на степень алтерации клеток, на самовосстановление и жизнеспособность организма позволили ему выделить пять категорий жизнеспособности. В клинической практике эти категории можно использовать для оценки состояния больных и индивидуализации лечения. Этой проблеме посвящена монография «Виталология», изданная в 2018 году. Под его руководством написана и реализована компьютерная программа оценки витализма, позволяющая в режиме реального времени определять жизнеспособность организма и давать рекомендации по предупреждению повреждений на клеточном уровне и обеспечению самовосстановления. Такой подход к лечению больных послужил основой для разработки методологии виталоврачевания. Его концепция процесса биоструктурного сопряжения на уровне субклеточных структур и их коррекция опережали время. Многие врачи из-за сложности восприятия не всегда правильно интерпретировали его последние разработки по практическому применению оценки витализма и лечению виталопатий. Пройдут годы, пока методология виталоврачевания займет достойное место в повседневной работе врачей.

Врач, ученый, педагог, организатор – всё это гармонично сочеталось в Григории Аркадьевиче и делало его неординарной личностью. Прежде всего, он позиционировал себя врачом. Это подтверждалось его действиями. Во главе угла всегда были больные – обходы в отделениях, клинические разборы, консилиумы, консультации, участие в проведении сложных общих анестезий. Он всегда знал всё о тяжелых больных. Но в науке он тоже был очень результативным и всегда в авангарде. Его талант учёного мог бы реализоваться еще шире, мощнее и ярче, если бы не трудности, которые приходилось преодолевать. Бюрократизм, коррупция, дефицит, лимит, недофинансирование и т. д. ослабили позиции медицинской науки и практического здравоохранения в Украине.

Григорий Аркадьевич Шифрин поддерживал деловые, творческие и часто дружеские отношения с учеными ведущих клиник СССР и Украины. В 1992 году он был удостоен чести организовать и провести в Запорожье Первый Национальный Конгресс анестезиологов Украины. Во время процедуры открытия Григорий Аркадьевич был избран первым Президентом этого конгресса. Он принимал активное участие в проведении второго, третьего и четвёртого Национальных конгрессов анестезиологов Украины, которые проходили в Харькове (1996), в Одессе (2000) и в Донецке (2004).

В 2005 г. профессор Григорий Аркадьевич Шифрин по семейным обстоятельствам уехал в Германию. Там он перенес тяжелую операцию на сердце, прошел продолжительную медицинскую реабилитацию. Со-

хранив гражданство Украины, он, с 2007 по 2018 год включительно, приезжал в Запорожье на 3 месяца весной и на 3 месяца осенью и работал по контракту профессором курса анестезиологии Запорожского государственного медицинского университета¹. Читал лекции, проводил практические занятия и семинары с врачами-интернами.

Григорий Аркадьевич рассказывал мне, что занимаясь подготовкой интернов на клинической базе 5-ой городской больницы скорой медицинской помощи, он всегда начинал рабочий день с осмотра тяжелых больных в отделениях реанимации и интенсивной терапии. А больных там всегда было много. Практическая и преподавательская работа способствовали углублению его научных исследований, которые трансформировались в конкретные разработки.

Работа в ЗГМУ была плодотворной. Под руководством профессора Г. А. Шифрина аспирант Вячеслав Зайцев в 2013 году защитил диссертацию: «Нейроанестезия и периперационная интенсивная терапия при внутричерепных гематомах: восстановление биоустойчивости организма и профилактика апоптоза нейронов». Ассистент курса анестезиологии ЗГМУ Леся Бойцова выполнила и защитила в 2021 году диссертацию: «Новая методология достижения адекватности анестезии и периперационной антистрессорной защиты».

1 В 2021–2022 гг. Запорожский государственный медицинский университет (ЗГМУ) был объединен с Запорожской медицинской академией последиplomного образования и переименован в Запорожский государственный медико-фармацевтический университет (ЗГМФУ).

Были написаны и изданы: руководство «Основы врачебной компетентности» (2013) и «Виталология» (2018). Как профессор ЗГМУ Г. А. Шифрин продолжил деятельное участие в работе национальных конгрессов анестезиологов Украины (2008, 2012, 2016 гг.).

В 2017 и 2018 годах профессор выступал с докладами на региональной научно-практической конференции анестезиологов Запорожской области в г. Мелитополе.

Осенью 2016 года в разговоре по телефону Григорий Аркадьевич попросил меня найти адрес или номер телефона Мовзольевского Владимира Григорьевича. Это очень грамотный инженерно-технический специалист. С 1980 по 1995 гг. он участвовал в реализации многих разработок кафедры анестезиологии ЗИУВ, которой руководил Григорий Аркадьевич¹. После того, как удалось разыскать Владимира Григорьевича, профессор Шифрин пригласил нас на встречу. Накануне была издана книга Григория Аркадьевича под названием «Персонификация периоперационной безопасности». Встреча по сути представляла своего рода презентацию этого пособия.

Григорий Аркадьевич предложил нам принять участие в разработке программного обеспечения информационной системы «Аудит периоперационной безопасности» и устройства для автоматического съема и обработки данных. Реализация поставленных за-

1 В. Г. Мовзольевский является соавтором многих свидетельств на изобретения и статей, опубликованных Г. А. Шифриным.

дач была сопряжена со многими организационными сложностями и техническими трудностями.

Осенью 2017 года мы начали работать над программным обеспечением под названием «Виталист». Находясь в Германии, Григорий Аркадьевич постоянно поддерживал связь по телефону. Консультации, согласования, необходимость посоветоваться требовали частых контактов. Так выработалась привычка еженедельных телефонных разговоров по вторникам. Почти все вопросы, касающиеся издания книги «Виталология», начиная от рисунка на обложке до устранения опечаток в тексте, решались во время этих бесед.

Параллельно Григорий Аркадьевич интересовался жизнью медицинской общественности нашего города, всегда передавал приветы коллегам. В начале лета 2018 года, во время своего последнего приезда в Украину, Григорий Аркадьевич презентовал книгу «Виталология» на научно-практической конференции ассоциации анестезиологов в г. Мелитополе. Книга вызвала большой интерес в среде анестезиологов. Из-за ограниченного тиража она буквально переходила из рук в руки.

Как выяснилось позже, одного прочтения книги было недостаточно. Чтобы понять и применять новые методы энергоресуститации в практической работе врача, такую работу нужно было вдумчиво изучать. В 2018 г. Григорий Аркадьевич вместе с депутатом областного совета, директором центра репродукции, профессором Н. В. Авраменко, В. Г. Мовзолевским проводили совещания с руководством торгово-про-

мышленной палаты области по вопросу организации изготовления устройства для оценки энергоструктурного статуса организма. Запланированные встречи по результатам поисковых работ не состоялись из-за начавшейся пандемии Covid-19.

По этой же причине Григорий Аркадьевич не смог приехать в Украину в 2019–2020 годах. В 4-м квартале 2019 года первый вариант программы оценки витализма был реализован на смартфоне. Тестирование программы выявило ряд недостатков.

Тиражирование программы было доступно только экспертам. Григорий Аркадьевич требовал от нас больше критики. С учетом замечаний он изменил значения оценочных параметров, адаптировал некоторые расчетные формулы. В результате проделанной работы новый вариант программы «Оценка витализма по Г. А. Шифрину» был реализован на смартфоне в конце 2020 года.

Тестирование программы, проведенное в 2021 году, показало, что она может использоваться, но не при всех категориях расстройств витализма и требует доработки. В этот период, несмотря на перенесенную тяжелую форму Covid-19, Григорий Аркадьевич продолжал работать над вариантами нарушений витализма.

К сожалению, пандемия Covid-19 в 2019–2021 годах, а затем война 2022 г. воспрепятствовали дальнейшей работе профессора в Украине. Для него это было большим потрясением. Он был настоящим патриотом Украины, очень гордился своим дедом, Григорием

Ивановичем – чистокровным украинцем. Радовался, когда главный анестезиолог Украины, профессор Анатолий Иванович Трещинский называл его украинским козаком.

Несмотря на трагические события и ухудшение здоровья, Григорий Аркадьевич продолжал много работать. Во время полномасштабного вторжения РФ в Украину в его напряженной работе чувствовалось большое желание сделать свои разработки полезными для спасения погибающих от боевых травм украинцев. К концу 2022 – в начале 2023 года он завершил теоретическое обоснование основополагающих форм виталопатий и разработку принципиально новой методологии виталоврачевания.

Такое качественное изменение в оценке жизнеспособности организма, его биологической целостности требовало существенной оптимизации программного обеспечения информационной системы «Аудит виталоврачевания».

В результате обобщения научных исследований в 2023 году им была разработана методология виталоврачевания. Это принципиально новаторский подход к оценке жизнеспособности организма и выбора методов коррекции механизмов энергоструктурного сопряжения. Опубликовать эту работу не удалось. Но в Украине научная разработка защищена авторским правом в апреле 2024 года.

Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, член Нью-Йоркской академии наук и Всемирной ассоциации медицины катастроф и неотложной медицины; главный анестезиолог департамента охраны здоровья Запорожской областной государственной администрации; председатель научно-практического общества анестезиологов Запорожской области, а потом первый Президент ассоциации анестезиологов Запорожской области.

Под руководством профессора Григория Аркадьевича Шифрина подготовлено и защищено 23 кандидатских и 3 докторских диссертаций. Он является автором 22 изданных монографий и 415 статей в журналах, сборниках конгрессов и конференций.

Замечательный врач-анестезиолог, ученый с мировым именем, талантливый преподаватель, эффективный организатор. При его жизнелюбии, целеустремленности, настойчивости и оптимизме трудно было представить, что когда-нибудь он уйдет из жизни.

Успех человека в любой сфере деятельности в значительной степени зависит от личности учителя, наставника. Григорию Аркадьевичу Шифрину были присущи высокий профессионализм, всесторонняя образованность, жизненная мудрость, доброта, что стало образцом для студентов и аспирантов, которым посчастливилось учиться у него.

Когда Григория Аркадьевича не стало, десятки, сотни коллег, которые в свое время ушли в профессию

«из мастер-классов Г. А. Шифрина» и успешно построили карьеру в разных уголках мира, поделились воспоминаниями о своем наставнике. Так родился этот коллективный рассказ – в знак благодарности и памяти.

Сергій Воротинцев, доктор медичних наук, завідувач кафедри анестезіології та інтенсивної терапії ЗДМФУ

УЧИТИСЯ ВСЕ ЖИТТЯ!

На початку 90-х я працював анестезіологом у районній лікарні міста Зміїв Харківської області. Поїхати до Запоріжжя «повчитися анестезіології» у Григорія Аркадійовича Шифріна мені порадив мій завідувач В. Жиров. Перед зустріччю з метром дуже хвилювався, та Григорій Аркадійович розвіяв мої побоювання і запропонував вступати до нього в аспірантуру. Навчання і спілкування з Григорієм Аркадійовичем сприяло формуванню у мене нового погляду на подальшу професійну діяльність: «Якщо ти не йдеш уперед, це не означає, що ти стоїш на місці, це означає, що ти йдеш назад», – звучать і досі мудрі слова наставника, спонукаючи вчитися все життя.

Після закінчення аспірантури і захисту кандидатської дисертації під керівництвом Г.А. Шифріна була практична робота в клініці, кафедральна, наукова. Готуючись до занять зі студентами, завжди згадую свого Вчителя, який казав: «Ви ж будете розповідати тільки те, що знаєте?». Саме знання визначають повагу – цю

мудрість від Григорія Аркадійовича я запам'ятав на все життя. Схиляю голову в глибокій повазі, Григорію Аркадійовичу!

Сергій Корогод, кандидат медичних наук,
доцент кафедри анестезіології та інтен-
сивної терапії ЗДМФУ

ДОЗЕМНИЙ УКЛІН ЗА ДОБРО І МУДРІСТЬ

Після закінчення інституту я проходив підготовку в інтернатурі у багатопрофільній міській лікарні, де набував практичних навичок з анестезіології та інтенсивної терапії. Однак хотілося поповнити і теоретичні знання. Така нагода випала, коли за порадою однокурсників почав відвідувати п'ятихвилинки, які в обласній лікарні на кафедрі анестезіології та інтенсивної терапії проводив Григорій Аркадійович Шифрін. Це були мікролекції з практичними рекомендаціями, настільки цікаві, що пропустити їх було просто неможливо.

Після закінчення клінічної ординатури я працював завідувачем відділення інтенсивної терапії в інфекційній лікарні і теж звертався за порадами до Григорія Аркадійовича. Згодом він запропонував мені зайнятися науково-дослідницькою роботою. Для мене це була велика честь. Під час навчання в аспірантурі продовжував спілкування з Григорієм Аркадійовичем. Ми з ним обговорювали різні теми, він ставився до мене дуже доброзичливо. Все, чому я навчився у Григорія Аркадійовича, сприяло моїй науковій роботі. Видатний вчений,

мудра людина, талановитий Учитель – завжди пам’ятатиму! Щира вдячність за науку, світла вічна пам’ять.

Костянтин Серіков, кандидат медичних наук, доцент кафедри анестезіології та інтенсивної терапії ЗДМФУ

ТРИ ПРАВИЛА ВЧИТЕЛЯ

Після закінчення інтернатури за спеціальністю «Анестезіологія» я працював лікарем анестезіологом-реаніматологом у Василівській ЦРЛ. За вельми короткий термін мені вдалося, за допомогою колег, опанувати багато нового у своїй професії. Цьому сприяли методичні рекомендації, алгоритми лікування та підручники Григорія Аркадійовича Шифріна. Тому не дивно, що коли розпочався конкурс на вступ до аспірантури за спеціальністю «Анестезіологія», де викладав Григорій Аркадійович, я без зволікання подав документи.

Від свого Вчителя я вперше дізнався про концепцію «Біологічна стійкість організму» та стратегію «Інтегративна медицина». Григорій Аркадійович постійно наголошував, що треба дивитися на два кроки вперед під час проведення інтенсивної терапії будь-якого захворювання, приділяючи увагу можливим проявам погіршення стану пацієнта.

«Людину від мавпи відрізняє вміння прогнозувати ситуацію наперед», – перше правило, яке я засвоїв від наставника. В подальшому, коли Григорій Аркадійович став керівником моєї дисертації, він вимагав вдоскона-

лювати вже опрацьований та написаний матеріал, тим самим намагаючись підготувати мене до будь-яких, зокрема каверзних запитань опонентів під час захисту дисертації. Так воно в подальшому і сталося.

«Найвища мудрість – це мудрість Учителя», – друге правило Григорія Аркадійовича. У складних ситуаціях, як наукова чи практична діяльність, професор казав: «Бери ручку, аркуш, записуй алгоритм лікування і пішли танцювати від грубки. Потім сам у всьому розберешся».

І третє важливе правило: «Коли хочеш танцювати в хаті, треба починати від грубки, бо за спиною нікого, а в перспективі – безліч простору».

Я пишаюсь можливістю назвати себе учнем Григорія Аркадійовича Шифріна. Все, що він робив, робив щиро і безкорисливо.

*Станіслав Зайцев, кандидат медичних наук,
асистент кафедри анестезіології
та інтенсивної терапії ЗДМФУ*

СВІТІТЬ, ПРОФЕСОРЕ, І НАДИХАЙТЕ!

Є сумний і світлий привід згадати початок свого шляху у професію. Сумний, бо відійшов у інші світи потужний професіонал. А світлий, бо, як паростки могутнього дерева, продовжують зростати у своїй благородній діяльності його учні. Наша спільна справа неоціненна – порятунок людських життів. Робити це бездоганно, не гаючи «золотого часу», навчав Гри-

горій Аркадійович. У моєму становленні він відіграв знакову роль. Після закінчення медучилища я працював медбратом у відділенні анестезіології та реанімації ЦМЛ міста Орджонікідзе, нині Покрови, Дніпропетровської області. Захоплено спостерігаючи за роботою лікарів-анестезіологів, вирішив вступити до ЗДМУ, щоб опанувати цю спеціальність. На прощання лікарі з мого відділення подарували мені посібник, автором якого був професор Шифрін. З Григорієм Аркадійовичем я зустрівся уже студентом, коли працював медбратом у відділенні загальної реанімації Запорізької обласної клінічної лікарні. Його тихий, спокійний голос, уважний примружений погляд крізь окуляри та звертання до мене, студента, «колега» я пам'ятаю досі. Це так надихало і підтримувало!

Після закінчення інтернатури за спеціальністю «Анестезіологія та інтенсивна терапія» я вступив до аспірантури. Моїм керівником став Григорій Аркадійович. Він давав мені складні завдання і контролював їх виконання. При цьому запитував серйозно-іронічно: «Що ти сьогодні зробив для безсмертя?».

У 2013 році я захистив дисертацію. Дуже вдячний долі, що мав можливість доторкнутися до цієї знакової постаті. Кажуть, що зорі, які гаснуть, довго ще світять людям. Світить, Григорію Аркадійовичу! З повагою – ваш вдячний студент Зайцев.

**Олег Мангуренко, кандидат медичних наук,
капітан м/с ЗСУ**

ПАМ'ЯТАЄМО, ПРАЦЮЄМО, ПЕРЕМАГАЄМО!

Маю честь називатися учнем вельмишановного Григорія Аркадійовича Шифріна! Його книги, лекції на кафедрі та індивідуальні мікролекції у нього вдома або у невідкладних ситуаціях по телефону, сформували мою професійну компетентність та професійний світогляд моїх колег по Запорізькому опіковому центру. Як результат – істотне зниження летальності у важко хворих дорослих пацієнтів і, особливо, у дітей!

Образ Григорія Аркадійовича кожен його учень, а їх сотні! – зберігає у своєму серці взірцем Людини, Вченого і Вчителя!

**Олеся Бойцова, кандидат медичних наук,
лікар-анестезіолог вищої категорії**

МОЯ ВДЯЧНІСТЬ – ДО НЕБА!

Важко усвідомлювати, що Григорія Аркадійовича більше немає. Професор був не лише мудрим учителем та наставником, а й натхненником для своїх учнів. Ми ніколи не забудемо його поради і завжди його пам'ятатимемо.

Мені дуже пощастило, що Григорій Аркадійович повірив у мене і погодився стати моїм наставником. Жалкую, що не змогла іще раз на прощання сказа-

ти: «Григорію Аркадійовичу, дякую за Ваші зусилля, підтримку, терпіння і за все, що Ви для мене зробили! Ви подарували мені частинку своєї душі та знання, відкрили для мене науковий світ, і я пам'ятатиму про це завжди». Хай летять мої слова до зірок, де знайшла притулок його мудра душа!

Лариса Смирнова, доктор медичних наук, заслужений лікар України, головний науковий співробітник відділу анестезіології та інтенсивної терапії ДУ «Національний інститут хірургії і трансплантології імені О. О. Шалімова» АМН України

ДЛЯ НАС БИЛОСЯ ЙОГО ВЕЛИКЕ СЕРЦЕ

Моя перша зустріч з професором Шифріним відбулася у Запорізькому інституті удосконалення лікарів на зорі моєї кар'єри у професії. Я закінчила медичний інститут, і хоча навчалася з високими балами, мала недостатньо знань в галузі анестезіології, навіть професійна термінологія здавалась вельми складною. Тоді у навчальній програмі не було такого спеціального курсу, і мені з дипломом лікаря-педіатра довелося опанувати цю науку з нуля, тобто пройти курс спеціалізації.

У ЗМАПО курс лекцій з дисципліни читав Григорій Аркадійович. Зізнаюсь, під час лекцій довелося зустрітися з досі незнайомим матеріалом, мені він видавався складним, не завжди зрозумілим, а бажання вникнути в кожну деталь викликало розгубленість. На одному із

засідань, де обговорювали результати навчання, я відверто розповіла про свої труднощі. Григорій Аркадійович, із властивими йому спокоєм і мудрістю, порадив не впадати в розпач, зазначив, що все долається терпінням і досвідом. Порадив багато читати, вникати в деталі і не боятися труднощів. Слова професора вселили в мене віру і впевненість у своїх силах. Під його керівництвом я почала активно вивчати основи анестезіології, на випускному екзамені найкращою нагородою стало схвалення професором мого поступу в навчанні. На роботі колеги також це помітили.

Професійний інтерес під керівництвом мудрого наставника став стимулом вдосконалюватися далі, я вирішила вступити в клінічну ординатуру на кафедру, яку очолював Григорій Аркадійович. Багатьох тоді здивувало, що я залишала Київ задля підготовки в Запоріжжі. Але я не шкодувала, бо отримала неоціненний досвід. Працювати було нелегко, – професор Шифрін відрізнявся надзвичайною вимогливістю як керівник. Але як цікаво і захоплююче було мати такого наставника! Під його керівництвом я захистила спершу кандидатську, а потім докторську дисертації. Завжди відчувала його підтримку, поради у складних ситуаціях, пошуках нестандартних рішень. Ми всі, хто навчався, знав Григорія Аркадійовича, завжди будемо сердечно і світло його згадувати, з глибокою вдячністю за велике людське серце, яке щедро віддавало нам своє тепло.

*/Підготувала Ганна Кліковка
МИГ: Інформаційно-публіцистичний
тижневик. 3 вересня 2024 року/*

**Светлана Ковалева, врач-анестезиолог,
Лондон**

ЗАГАДКА ШИФРИНА

Профессор был выдающимся человеком. Но это сказать о нем, как ничего не сказать. Он не только был образованным и любознательным, но и творческим: он мог извлечь «пользу» из какого-то знания, что отложилось в его мозгу, и применить это еще где-то. Так с точки зрения обывателя. Для меня и сейчас остается загадкой, что им двигало. Ведь ни особых почестей, ни денег, ни славы он так и не получил. Хотя его многие знали. Еще больше людей (врачей) побаивались и обходили, еще большее число помалкивало, но уверена, уважали в душе. Те люди, которые ему завидовали, чаще были «у руля» и пытались избавиться от него и его учения, как только могли. Он был неудобным человеком. С этим согласятся все, кто его знал.

Он был требовательным к себе и другим, особенно к своим ученикам. Он их пытался ставить на свой уровень и часто повторял то, что мы, его ученики, не доучили, не запомнили, не сделали, и еще много десятков слов с частицей «не». Он не знал, что мы не были «птицами» его полета. Мы не дотягивали до него и часто не понимали, что от нас требуется. А когда наконец-то понимали, во сколько времени это нам обойдется, предпочитали отказываться от такого «заманивания». Зато те, кто был тщеславнее и мечтал о карьерном росте, следовали советам профессора, за-

щищали диссертации, а потом, получив звание, место и пр., возвращались к прежней жизни.

Только он, профессор, не успокаивался никогда, он шел вперед и вперед, пока не обогнал своих коллег и, в конце концов, свое время. Он был таким Прометеем, несущим свет во тьму, но его свет многим резал глаза, и потому он оставался один в своем порыве. Временами ученики присоединялись, но надолго их не хватало.

Это о науке, как о главной «женщине» в его жизни. Но знали мы Григория Аркадьевича и с другой стороны. А именно – «отеческой». Он был требовательным к нам, но в то же время очень отзывчивым и заботливым. Всегда интересовался нашими проблемами и старался помочь всем, чем мог. Это в первую очередь касалось нашей работы. Но если он видел, что нас что-то «гложет», то он из учителя быстро превращался в товарища или друга с большим жизненным опытом. Поэтому ему легко было поведать о своих бедах, зная, что тебя поймут и помогут.

Мне он заменил отца, и я ему за это очень благодарна. Со временем его семья стала мне родной. Мы вместе проводили время как за учебой, так и за совместным отдыхом. Это были и поездки на Хортицу, и в Бердянск, и настольные игры в кругу семьи – любила наблюдать за профессором в такие минуты. Он был тактичен, вежлив, с особым чувством юмора. Таким я его буду помнить всегда.

Григорий Аркадьевич Шифрин был и остался нашим большим примером, нашим «маяком». На него

равнялось много людей – как врачей, так и не врачей. Он умел учить и учиться. Его знания были почти энциклопедическими, он умел поражать своей эрудицией. Он, без сомнения, был одним из выдающихся людей своей эпохи.

СПОГАДИ СІМ'Ї БАБЕНКО (БЕРДЯНСЬК)

Елена Бабенко, врач-офтальмолог

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЮБИМОМ ПРОФЕССОРЕ

В 2002 году Михаил Львович Горенштейн предложил мне, офтальмологу, написать научную статью для участия в междисциплинарной научной конференции анестезиологов, которая должна была проходить в городе Приморске. Я согласилась и написала две статьи о роли современных контактных линз с УФ и о результатах контактной коррекции при прогрессирующей близорукости у детей.

Статьи были опубликованы в материалах конференции «Интегративная медицина и здравоохранение», и я стала участником этого интересного события.

Конференции анестезиологов всегда были продуманы, насыщены интересными научными докладами и прекрасно организованы. Врачи с удовольствием приезжали пообщаться, отдохнуть и пополнить багаж знаний. Все было великолепно и на этот раз. Для нас провели экскурсию по прекрасной современной здравнице «Глория». В последующие годы я направляла

своих пациентов с офтальмологическими заболеваниями на лечение в этот санаторий.

Но самое интересное, что я, офтальмолог, слушая зажигательный доклад профессора Григория Аркадьевича Шифрина «Научные основы интегративной медицины», так прониклась проблемами гомеостаза, что стала внедрять их в свою офтальмологическую практику!

Слушать его было интересно. Такое впечатление, что доклад читается именно для тебя. Что именно тебе он предлагает присоединиться к своим идеям, оставить рутину и двигаться вместе вперед к новым достижениям и успехам в лечении больных.

И еще Григорий Аркадьевич был мастером вызывать дискуссию в зале, которая потом продолжалась в кулуарах конференции, и отголоски ее еще долго звучали до следующего доклада. Вот сейчас передо мной лежат материалы этой конференции – увесистая книга «Интегративная медицина и здравоохранение». Я смотрю на обложку этого издания. В ряду авторов фамилия Шифрина Г.А. стоит последней. А между тем, это его идея, организация, его бессонные ночи и, наконец, воплощение в жизнь этого праздника науки!

Григорий Аркадьевич был удивительным человеком. Рядом с ним, профессором, умнейшим ученым, невозможно было почувствовать себя душой. Настолько доброжелательно, уважительно он вел беседу в моменты наших встреч!

Он не только сам любил анестезиологию, но и приглашал уважать ее, заражая любовью всех, кто нахо-

дился рядом с ним. Он не переносил в свои работы чужие технологии, он придумывал свои и внедрял их в жизнь. Он не кичился своими знаниями, хотя был членом Нью-Йоркской академии наук. Он гордился своими достижениями и достижениями своих единомышленников.

Р.С. Дорогая Алина Исааковна, добрый вечер! Сегодня мы здорово «угорели» на работе. К тому же, обстановка была неблагоприятная. Наверное, поэтому за ужином стали вспоминать своих родных, и в процессе воспоминаний плавно перешли к Григорию Аркадьевичу. Валерий Ильич вспомнил, как на Школе молодых ученых в Софрино познакомился с Неговским, и под впечатлением сказал ему: «Я хотел бы считать Вас своим учителем». Григорий Аркадьевич посмотрел в его сторону и заметил: «А я думал, что Вы мой ученик». «Конечно, – не растерялся Валерий Ильич, – ведь Вы тоже ученик Неговского».

«Уровень интеллекта и скорость мысли Григория Аркадьевича поражали, – вспоминает Валерий Ильич. – Его интеллект опередил время на много лет вперед. Я побаивался его замечаний. И только Алина Исааковна сглаживала острые углы и снижала градус беседы. Алину Исааковну я ставлю выше Григория Аркадьевича. Все его заслуги принадлежат этой необыкновенной женщине! Когда я увидел, с какой женщиной живет Григорий Аркадьевич, я перестал его бояться и чувствовать себя неловко».

Я записала эти воспоминания на скорую руку и отправляю вам.

«Влияние хороших женщин – это самая высшая сила после милости Божьей, которая формирует хороших мужчин».

СПОГАДИ ОЛЕНИ БАБЕНКО (МОЛОДШОЇ)

Свій вік, коли ми вперше зустрілися з Григорієм Аркадійовичем, точно не пам'ятаю. Але цілком впевнена, що це був вік учня початкових класів, отже, років вісім мені було. Тож сталося це, скоріше за все, у вересні 1983-го.

Пам'ятаю, як познайомилася з Григорієм Аркадійовичем. Він приїхав у Бердянськ, і тато влаштував його в санаторії. Одного разу тато взяв мене з собою на курорт, повіз на велосипеді. Він попередив, що ми зустрінемося з його професором, і я чомусь уявляла собі, що це буде літня людина, нудна, в окулярах і краватці-метелику.

Але професор виявився геть неправильним. Це був такий моложавий підтягнутий чоловік, надзвичайно інтелігентний, хоча ніякої краватки на ньому не було.

Поки тато пірнав і ловив камбалу, ми з Григорієм Аркадійовичем вели світські бесіди. Атмосфера була настільки невимушеною, що я геть забула думати, яким уявляла собі професора за тими татковими розповідями, в яких він з величезною повагою описував цю людину.

Ми ходили по пляжу, розмовляли, і Григорій Аркадійович розважав мене якимись байками на життєву тематику. Він так мені сподобався, що я вирішила принаймні чимось віддячити за його легкість у

спілкуванні. Тож на підтримку неформального стилю розмови розповіла йому анекдот про попку-професора. Взагалі не пам'ятаю змісту цієї дурниці. Тільки єдине: професор сміявся. Коли тато вийшов з моря з купую риби, Григорій Аркадійович, все ще продовжуючи сміятися, розповів йому про наш з ним обмін анекдотами.

Вечір закінчився на дуже позитивній ноті. А коли ми поверталися додому, тато сказав, що не варто мені було розповідати того анекдоту. Деся в глибині душі якийсь час шкреблися думки, що не треба було так підводити татка, нахабно порушуючи медичну субординацію. Але потім, після багатьох зустрічей з Григорієм Аркадійовичем, я збагнула, якою має бути по-справжньому розумна і мудра людина. Попри всі досягнення, регалії і нагороди, серйозну дослідницьку роботу, вибагливість до інших і до себе в першу чергу, вона має бути лояльною до людей будь-якого віку й статусу і з гумором ставитися до всього, що відбувається навколо.

Дуже сильне враження на мене тоді справив Ваш чоловік. І потім, скільки разів мала з ним зустрічі, дивувалася, як людина такого масштабу з легкістю переходить на рівень розмови, доступний для співбесідників, не втрачаючи при цьому власної гідності, не опускаючись до банальностей, розмовляючи як високо освічена і глибоко інтелегентна людина. А бесіда, між іншим, все одно має невимушений характер. Я б навіть сказала, виходячи зі своїх спостережень, що Григорій Аркадійович високо цінив свій вклад в науку, але при цьому

йому абсолютно були чужі гординя і зарозумілість. І все це свідчить про його видатні особисті якості. Напевно, саме це робить таких великих науковців, яким був Григорій Аркадійович, елітою професури і просто людьми.

До того ж, я чудово пам'ятаю кілька наших зустрічей в моєму дорослому віці. Коли ми відвідали вас із Григорієм Аркадійовичем разом із моїм чоловіком, як тільки переїхали до Запоріжжя, у 1996 році. І ще один раз, коли ви вже мешкали в Німеччині, а Григорій Аркадійович приїздив до Запоріжжя сам.

Хочу поділитися тим, що мене особливо вражало. Це, я б сказала, аскетичність у побуті. За загальнопоширеною думкою, людина його суспільного положення й рівня наукових досягнень мала б жити куди більш розкішно. Так би мовити, демонструвати свій статус. Але цього не було. На мою думку, це є ще одним підтвердженням спадкової інтелігентності і масштабу особистості.

Мій чоловік теж завжди поважав Вашого чоловіка. Пам'ятаю, він ділився зі мною своїми враженнями від спілкування. Це неможливо було не обговорювати, дійсно. На жаль, я не можу зараз спитати, чи пам'ятає він про ці зустрічі. Рік тому чоловік помер від хвороби. То зараз ми живемо разом із молодшою донечкою, їй влітку виповнилося чотирнадцять. Син старший мешкає окремо, в іншому місті. Йому двадцять шість.

Скажу Вам чесно, я пишаюся знайомством з Вашим чоловіком. Він для мене є прикладом людини, яка прагне постійного професійного розвитку й вдосконалення, яка занурена у нескінченний процес ро-

боти, роздумів, аналізу, яка нехтує дрібною побутовою мішурою заради можливості генерації прогресивних наукових ідей і корисних практичних знань. А такі особистості надто рідко зустрічаються в цьому світі.

З огляду на теперішню ситуацію в Україні, часто спадає на думку фраза Григорія Аркадійовича, яку він сказав мені одного разу, коли мова йшла про генофонд. Точніше, про цілеспрямоване знищення найкращих представників нації. Ваш чоловік тоді сказав, що найкращих чоловіків на території колишнього СРСР масштабно винищували кілька разів: під час революції і під час двох війн. Він сказав, що хитрі, малокультурні, підлі чоловіки знайшли способи переховатися в ті важкі часи. А сміливі і сильні духом були добровольцями з перших днів і загинули в першу чергу.

Гадаю, зараз у нас знов відбувається те саме. І тому таких людей, яким був Григорій Аркадійович, стає дедалі менше.

*З повагою, Олена,
яка має надзвичайно теплі згадки
про Вашу чудову родину.*

ГЛАВНЫЙ АНЕСТЕЗИОЛОГ РЕГИОНА

После защиты докторской все, кто пришел
за меня поболеть, цветы отдали не мне,
а генералу Вишневскому...
Григорий Шифрин

Собеседник журналиста – ученый, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой анестезиологии и интенсивной терапии Запорожской медицинской академии последипломного образования, член Нью-Йоркской академии наук и Всемирной ассоциации медицины катастроф и неотложной медицины **Григорий Шифрин**.

НАРКОЗ – ДЕЛО НЕ ПРОСТОЕ

– *Анестезиология - наука об обезболивании. Это понятно. Известно и то, что революция в ней началась с появлением наркоза. К нам эта революция когда пришла?*

– У нас в стране современная анестезиология началась где-то в середине 50-х.

– *А до этого что, вообще ее не было?*

– Просто капали эфир. А вот этой современной анестезиологии у нас не было. В Запорожье впервые, если память не изменяет, операция с применением современного наркоза была проведена в 1956 году хирургом Пилипом, осуществившим интубацию трахеи.

– *Но ведь какое-то обезбоживание при хирургических операциях было до того?*

– Обезболивание было, но только местное. А если надо было выключить сознание больного, клали на него специальную марлевую повязку и капали эфир или хлороформ, чтобы больной уснул.

– *Самое примитивное приспособление было...*

– Ну, это не примитивное. Это просто первобытное, наверное, приспособление было.

– *В свое время я с удовольствием прочитал книгу о величайшем хирурге XIX века Николае Ивановиче Пирогове, который, кстати, похоронен в Виннице. В книге популярно рассказывалось об уровне тогдашней анестезиологии: перед операцией больного просто привязывали к столу. Или крепкие ребята держали его за руки и ноги. А он, естественно, во время операции кричал дурным голосом. Сам Пирогов, говорят, впервые наблюдал операцию с применением наркоза в Германии, где учился после окончания университета.*

– Когда Пирогов в Германии был на практике, наркоза еще не было. Наркоз появился в 1846 году, 16 октября.

– *Но Пирогов один из первых, кто стал применять наркоз?*

– Одним из первых, но не первый. Впервые применили этот более-менее грамотный наркоз с эфиром в Соединенных Штатах, в Бостоне. Сделал это врач-стоматолог Мортон. А Пирогов был третьим по счету. В России.

– *Можно представить состояние человека, которого привязывают к столу и режут. Это шок, который чреват смертью...*

– Вполне. Известный случай – давнишний, времен XVI века. Французский хирург Дешан хотел продемонстрировать студентам предстоящую операцию. Больного раздели, привязали к столу, врач углем обозначил на коже больного линию разреза, чтобы наглядно показать студентам, где она будет проходить. И больной тут же умер от рефлекторного нервного шока. Такова сила переживаний, когда человеку угрожает опасность.

– *Местное обезболивание применяется при операциях?*

– Примерно 12% операций в Запорожье идет под местным обезболиванием. Но оно сегодня совершенно другое, чем раньше. Это проводниковая анестезия. Препараты практически не токсичны. То же самое можно сказать и о наркозе. Его возможности изучены сегодня более глубоко.

– *Как обстоят дела с анестезиологией в нашей области? Вы же являетесь главным анестезиологом региона...*

– На сегодня в области имеется 29 отделений анестезиологии и интенсивной терапии, со специальными койками, со стационаром. В год мы проводим порядка 70 тысяч операций с наркозом и лечим почти 20 тысяч тяжелых больных в отделениях. По численности врачи нашей специальности занимают пятое место. На первом месте терапевты, далее педиатры, акушеры и гинекологи. Потом мы. А за нами уже хирурги.

– Больные хорошо знают хирургов и совсем мало анестезиологов...

– Все врачи, кроме анестезиологов, до сих пор занимались теми болезнями, сущность которых понятна всем. Если ты хирург – это восстановление анатомической целостности организма. Если терапевт – тоже восстановление анатомической целостности, только уже другим, не кровавым путем. А что анестезиолог? Если больному наркоз надо провести – зовут его. Если отяжелевший больной, которому нужно протезировать функции, зовут его. А в остальных ситуациях он как бы и не нужен. Анестезиолог должен был найти свою сущность. Не явлениями заниматься – наркозом, интенсивной терапией, а найти свою сущность. Вот эта сущность и представляет собой самовосстановление организма. Этому надо было научиться. До этого надо было дойти. Это и была одна из причин, которая подвигла меня к развитию интегративной медицины. То есть, я стал искать свое направление в науке.

– О науке у нас разговор впереди. А пока о практических делах вашей кафедры.

– Я формально считаюсь директором клиники анестезиологии и интенсивной терапии. Клиника эта расположена в областной больнице. Она включает в себя семь отделений. Два отделения чистой анестезиологии, без коек. Там только врачи проводят наркоз. И пять отделений – это там, где больные лежат. Я отвечаю за качество лечебного процесса. Областной онкодиспансер тоже входит в эту клинику. Кон-

сультируем больных не только своей клиники, но и других лечебных учреждений, куда нас приглашают. Выезжаем и по районам области по сан-авиации не менее 60 раз в год. Когда Лобановский лежал в пятой горбольнице, я его наблюдал. На медицину там нареканий не было.

– *Вы непосредственно участвовали в этой операции?*

– Я давал ему наркоз, всю интенсивную терапию курировал.

– *В вашей практике был такой случай, когда благодаря именно анестезиологу больной остался жив?*

– Если можно, я вам отвечу словами Бернарда, того самого врача, который первым в мире пересадил человеческое сердце. Когда он стал знаменитым, журналисты, естественно, часто задавали ему вопрос: «Сколько человеческих жизней Вы спасли?». Однажды он ответил им так: «Я спас одну живую душу». И рассказал такую историю. Он работал участковым врачом в Южной Африке. А там было поверье: если у человека воспаление легких, то его заворачивали в козью шкуру, только что содранную с убитой козы. И вот он приезжает по вызову, видит – во дворе привязана коза, ее приготовили для лечения больного. Увидев это, Бернард решил задержаться у больного до его выздоровления. Больной, конечно, выздоровел благодаря врачебной помощи, коза осталась жива. То есть, он спас одну живую душу – козу. Что я могу сказать? Мы спасали многих больных, но так, чтобы заявить,

что это сделал именно я один – не могу. Дай Бог, чтобы мы не вредили.

– *Как Вы попали в медицину? Кто были ваши учителя?*

– С учителями мне повезло. Многому я научился у замечательного хирурга и ученого, здравствующего и ныне почетного директора Киевского научно-исследовательского института трансплантологии академика Шалимова, ученого с мировым именем. Были и другие учителя. У меня мама была известным в Харькове невропатологом. И когда я окончил институт, представилась возможность остаться в городе. Были и предложения на этот счет. А мама настояла, чтобы я поехал на работу в район и отработал, как положено было, три года. Я поехал и отработал в ЦРБ хирургом не три, а шесть лет.

– *А разве Вы уже были готовы к этому?*

– Хирургия интересовала меня со школьной скамьи. С третьего курса института ходил в ургентную больницу №1 на дежурство к знакомым мамы. И они во время дежурства позволяли мне что-то делать. Приобщали потихоньку. Ну, и настолько я приобщился, что после окончания института меня сразу направили в город Изюм работать хирургом в ЦРБ. А там был очень хороший хирург Александр Прокофьевич Мищенко. Человек, который прошел войну, был в плену. В немецком лагере работал хирургом. Потом, когда закончилась война, его отправили уже в наш лагерь. И там он работал хирургом. Ему, естественно, не давали

хода. А тут я приехал. Его как раз назначили заведующим отделением. Он меня спрашивает: «Вы хирург или просто назвали себя хирургом?». Я, естественно, расправил плечи, говорю: «Хирург». «Ну, раз вы хирург, – говорит, – то вот эта неделя моя, а со следующей Вы будете ургентным».

– *То есть, дежурным?*

– То есть днем, ночью, когда угодно. Первая операция, которую я сделал, некомпрессивная трепанация черепа. Молодой человек на мотоцикле врезался в железнодорожный шлагбаум. Не знаю, как я мог ее сделать, но сделал, и пациент выздоровел. Вот так началась моя карьера. Я работал рядом с Александром Прокофьевичем шесть лет. Это был большой хирург. Порядка ста операций ежегодно только на желудке делал, не считая других. А в областной делали 80. Они каждый год приезжали проверять нас. Я к чему говорю – мне все время было у кого учиться. Он был большим специалистом, больные шли к нему отовсюду.

– *И наверное, не имел никаких ученых степеней...*

– Абсолютно рядовой хирург. Понимаете, что важно в хирургии? Важна мышечная память. Нужно, чтобы человек все время работал руками. Звания тут ни при чем. Взять того же Шалимова. Он профессор, академик, но он же в день делал 10-12 операций. Я могу сказать больше. В США очень жесткие требования к врачам. И тем более к хирургам. Скажем, кардиохирург. Если в год он делает менее ста операций на сердце, его увольняют.

– *После шести лет работы в ЦРБ Вы вернулись в Харьков?*

– В науку я попал так, как показывают в кино. Еще когда работал в Изюме, я посылал свои статьи в медицинские журналы. Это 1958–59 годы. Красивые были журналы, и очень хотелось, чтобы моя фамилия там появлялась. Тогда как раз начиналась научная анестезиология.

– *Какие журналы имеются в виду, украинские?*

– Тогда были только союзные. «Эндокринология» и другие. Я в ЦРБ занимался операциями на щитовидной железе, обезбоживаниями при тиреотоксикозе. Это относительно сложная вещь. Статью мою напечатали. В общем, я стал заниматься вопросами, которые, можно сказать, подвигали нас к решению проблемы противошоковой защиты при операциях от операционной травмы. А тогда очень активно работало в Харькове хирургическое общество. Проводились областные отчетные конференции. И я подал туда свою работу. Ее включили в программу конференции. Выступаю я на этой конференции, а председателем на ней был известный хирург Григорий Маркович Гуревич, заслуженный деятель науки. Один из первых или даже первый сделал операцию на легких в Харькове. В войну был главным хирургом Первого Украинского фронта. Когда все выступили, он берет заключительное слово, всех хвалит, а мою работу называет «вивисекцией» (когда человека режут по живому, без обезбоживания).

– *Раскритиковал Вас?*

– Да, сказал, что мое предложение не годится абсолютно. Я, конечно, сник. А с ним рядом в президиуме сидел человек, который вдруг встал и говорит: «Григорий Маркович, а если он прав? Так это же здорово». Дословно привожу. Спрашиваю: «Кто это такой?» Мне говорят: «Шалимов». А он тогда только приехал в Харьков работать. Заведовал кафедрой хирургии. Он говорит: «Я согласен, чтобы он у меня в клинике доказал свою версию». Ну, а я тогда был шустрее, чем сейчас (смеется). Сразу к завоблздравом. Тот меня на месяц командировует к Шалимову. Нормально получилось. Шалимов, как говорится, открыл мне дорогу в науку.

– *Интересно, в чем была суть вашего предложения?*

– Я тогда на это предложение получил авторское свидетельство. Суть его заключалась в том, что не надо проводить глубокий наркоз, если заблокировать реакцию больного на операцию на уровне вегетативных узлов. Я разработал специальную методику, чтобы этого достичь. Вот, собственно, и все.

– *Шалимов оценил это и взял Вас к себе в клинику?*

– Он не сразу взял меня к себе. Где-то год спустя. Просто у него не было возможности взять меня раньше. А вот когда он получил научно-исследовательский институт, вот тогда... Я же не только писал статьи. Я специализировался по общей хирургии. Пытался по-

ступать в аспирантуру, в клиническую ординатуру. Поехал в Киев, сдал экзамены, но меня не приняли. Сказали, что это место министерство ликвидировало. Ну, понятно почему – фамилия у меня не очень подходящая.

– *Думаете, из-за этого?*

– Только из-за этого. Дважды так было. В Харькове, а потом в Киеве. Объявляют конкурс на место аспиранта. Я сдаю экзамены, прохожу конкурс, а потом говорят: «Вы знаете, у нас конкурса не было, министерство это место ликвидировало».

– *Но Вы своего все-таки добились?*

– Я бы не добился, если бы не Шалимов. Он стал директором научно-исследовательского института, и в это время объявляют конкурс к нему в аспирантуру. А поскольку он меня хорошо оценил, я и решил пойти к нему в аспирантуру.

– *Это была уже третья попытка?*

– Третья или четвертая. Я уже не помню, сколько их было. Прихожу, а он говорит: «Я не могу тебя взять». Прямо так и говорит. С ним в свое время такая же история была. Я хоть наполовину еврей, а он чистый татарин. Ему тоже хорошо в жизни досталось. Я расстроился, повернулся уходить, а он говорит: «Ты слышал, что я получил институт?». «Слышал», – говорю. – «Так я возьму тебя в институт старшим научным сотрудником, только не по хирургии, а по анестезиологии». Вот так и остался я в институте Шалимова.

– *Значит, это Шалимов сделал Вас анестезиологом?*

– Выходит так, хотя я не собирался им быть. Очевидно, он разгадал, что лучше получится из меня. Человек он опытный. Я ему бесконечно благодарен.

– *Не жалеете, что стали анестезиологом? Возможно, как хирург в большей степени смогли бы самореализоваться?*

– Может быть. Но тут есть принципиальное отличие. В хирургии – рукодействие. Надо иметь врожденное чувство слоя ткани, нужно отрабатывать мышечную память. Там научного подхода нет. А меня, видимо, интересовал больше научный подход. Ну, и дальше я получил очень хороший стимул к научному совершенствованию.

– *Каким образом?*

– Ну как же! Я был страшно горд, что меня взяли старшим научным сотрудником. А зарплата оказалась 88 рублей. Пришлось быстро защищать кандидатскую, потом докторскую.

– *Все это время работали с Шалимовым?*

– 15 лет проработал с ним, а потом его перевели в Киев. Он и меня приглашал с собой, но с тем условием, что квартира будет только через год. А у меня квартира в Харькове уже «подходила». Это раз. И второе: я как раз в это время защищал докторскую диссертацию. Это был 1972 год, я заведовал отделом в научно-исследовательском институте.

– *Кем Шалимов уехал в Киев?*

– Шалимов уникальный человек. Он уникальнее Николая Рериха! Тот построил два института индологии, а этот – два института хирургии. Научно-исследовательский институт в Харькове не просто получил, а по индивидуальному проекту построил. И так же, по индивидуальному проекту, построил институт в Киеве. Таких людей в мире только двое.

– *А в Москве Шалимов не работал?*

– Он хотел в Москве работать. Поэтому и отправил меня защищать докторскую диссертацию в институт Вишневского. Я кандидатскую защищал в Курске, а докторскую в Москве, в институте Вишневского. Почему в Курске? Потому что Шалимов работал в Курске несколько лет областным хирургом и, видимо, хотел показать, как вырос институт.

– *Докторскую Вы защитили в институте Вишневского?*

– Да. Там очень интересно получилось. Обычно на таких мероприятиях сам Вишневский не присутствовал. А тут вдруг изъявил желание председательствовать на совете. Организаторы страшно заволновались. Мне главный специалист по нашей специальности говорит: «Будет Вишневский, я не буду в своем выступлении говорить то, что написал в рецензии. Я буду тебя критиковать, но ты мне не возражай». Ну, я, естественно, не смог выдержать и стал ему отвечать.

– *Все прошло нормально?*

– Сверхнормально! Вишневский представил мою работу так, что все проголосовали «за». Даже решили издать книжку, и она была издана. Ну а те, кто пришел «болеть» за меня, все цветы отдали не мне, а Александру Александровичу Вишневскому. Слишком личность это была авторитетная для всех. Генерал-полковник. В форме. Это же институт Вишневского!

– *В Запорожье Вы как попали?*

– Освободилась должность заведующего кафедрой, и по рекомендации Шалимова я приехал сюда. Могу еще интересный эпизод рассказать, который в определенной степени связан с тем, чем я сейчас занимаюсь. В Харьковском научно-исследовательском институте были две профессорши, знавшие иностранные языки. И как-то на планерке Шалимов поручил одной из них подготовить обзор на тему: «Что перспективного в современной медицине». Прошел месяц, начинается пятиминутка, он открывает записную книжку, говорит: «Вы готовы, Марья Афанасьевна?» – «Я скажу просто, – отвечает она, – пересадка сердца». Профессор рассмеялся: «Как это пересадить сердце?». Через год Бернард пересадил сердце. И вот тогда Шалимов засуетился, и мы начали экспериментировать.

– *А Амосов не работал по этой теме?*

– Амосов ничего не сделал по пересадке сердца. Он занимался операциями на сердце. Должен сказать, что Амосов – пионер. Ему важно было быть первым. А насколько это было фундаментально – дело второе.

Шалимов этим принципиально отличается от Амосова. Он, конечно, за первые места, но он не пионер.

– *Вы с Амосовым встречались?*

– Встречался за обеденным столом. И на конференциях, естественно. За столом он не придерживался рекомендаций, которые давал народу.

– *Но сердце все-таки потом пересадили же?*

– Шалимов отказался под флагом того, что Петровский запретил пересадку. В обеспечении пересадки сердца я участвовал уже здесь, когда ее выполнял Александр Семенович Никоненко. В пересадке меня здесь догнали. Собственно говоря, она тут и прокручивалась. Я успел в этой «каше» повариться еще в Харькове. Ну а здесь уже, конечно, пришлось заниматься вплотную.

– *Вы с профессором Никоненко сразу начали работать по этой теме?*

– Да. Сейчас мы не работаем так плотно, как работали тогда. Я сейчас просто курирую этих больных. Хочу подчеркнуть, что успех в первую очередь зависит от хирурга. Если он все правильно сделает, то дальше все зависит от тех, кто обеспечивает анестезиологическое пособие.

– *В чем заключается идея интегративной медицины?*

– Это обеспечение безопасности операций и агрессивных методов диагностики. Это та проблема, которой, собственно, я и занимаюсь. Я теперь занимаюсь не только обеспечением безопасности этих операций.

Я, опять-таки на основе клинического опыта, решил заняться проблемой преждевременной смерти. У нас демографический кризис. От чего люди умирают? От инфарктов и инсультов. Что такое инфаркт и инсульт? Это результат ишемической атаки. Вот это как раз то, от чего мы защищаем во время операций. И вот эти знания, этот опыт я сейчас пытаюсь перенести, образно говоря, из операционной в наше практическое здравоохранение. Используя те приемы, которые мы знаем и умеем применять, чтобы предупреждать у людей, которые считаются здоровыми, ишемические атаки.

– *И как вы это можете предупредить?*

– Прежде всего мы можем определить, у кого это может быть. По самым простым вещам. Вот, скажем, вам померяли давление, посчитали пульс и определили процент риска сердечной смерти, церебральной смерти. Это раз. Во-вторых, мы применяем на практике средства, которые известны и которые применяют терапевты. У нас разработана методика, называемая энергоресусцитацией. Это специальная методика, основанная на предупреждении или устранении, если они есть, нарушений коронарного кровообращения, нарушений тканевого кровообращения, нарушений газообмена. Но не последовательно, как делается сейчас, а комплексно, опережая ишемические атаки.

– *Это связано непосредственно с анестезией?*

– С наркозом это непосредственно не связано. Но дело в том, что все эти научные работы позволили мне

сначала разработать концепцию, а теперь теорию интегративной медицины.

– *В чем эта теория заключается?*

– Это наука о биологической целостности организма. Все понимают, что организм это единое целое. Но это было философское понятие. Да, единое целое, ну и что? А мне на основе тех исследований, которыми я занимаюсь во время наркоза, во время операций и после операций, удалось установить основные закономерности, которые выражаются в энергопроизводстве и его ресурсообеспечении. Это раз. Второе – я теоретически смог абстрагироваться и понять, что главное отличие живого от неживой природы – механизмы самовосстановления. Клетки могут сами восстанавливаться. И следующее – это создание условий для существования организма, которые позволяют реализоваться этим механизмам в минимально короткие, биологически определенные сроки.

– *Наверное, это больше теория.*

– Нет, это и практика. Абсолютная практика. Теоретическое, конечно, начало, но практическая реализация. Почему? Потому что все это выражено количественно. Мы разработали и специально запатентовали методику статусметрии.

– *У вас есть и другие запатентованные работы?*

– Больше десяти. И печатных работ за 350. И 18 книжек.

– *И кандидатов за эти годы подготовили немало?*

– Больше двадцати. И кандидатов, и докторов. Мой первый ученик из Харькова заведует сейчас кафедрой. Когда-то меня не приняли на эту кафедру, а он теперь заведует ею. Хижняк Анатолий Антонович, в Харьковском медуниверситете. Так что, как говорится, работа кипит. Я, конечно, не один это делаю.

– *Слышал, что коллектив у вас дружный...*

– У нас коллектив единомышленников. А во-вторых, может это и основное, у нас есть школа. Понимаете, то, чем я занимаюсь, для всех остальных представляет большой концептуальный интерес. Но не все это воспринимают. И поэтому все время приходится отстаивать свою точку зрения, свои результаты. А это тоже играет положительную роль. Если тебе делают замечание, если тебя критикуют, ты же невольно должен на этом сконцентрироваться. Сконцентрировался, значит, скорее всего, нашел какое-то оптимальное решение.

– *Ваши научные разработки связаны с кибернетикой, вычислительной техникой?*

– Вопросы кибернетики, использования вычислительной техники в свое время меня очень интересовали, я на это возлагал большие надежды. Собственно, это и толкнуло меня на интегративную медицину. Но как убедился позже, кибернетика и вычислительная техника сами по себе ничего не могут. Чтобы они смогли, нужно в них вложить прежде всего модель. А она должна быть численно выражена. Вот это мне удалось сделать: численно описать человека, количе-

ственно определить состояние его систем. Безусловно, это определенное достижение. В этом году мой ученик из Херсона как раз защитил диссертацию по количественной статистике.

– *Команда единомышленников... Сколько это примерно человек?*

– Давайте прикинем. 23 человека защитили кандидатские и докторские диссертации. И сейчас есть восемь соискателей на ученую степень. И еще три человека, которые пока в официальные ряды соискателей не встали. А если к этому прибавить тех 200 человек, которые ежегодно проходят через наши циклы, это будет примерно пять тысяч человек за 25 лет нашей работы.

– *Многие из них работают по вашим рекомендациям?*

– Я хочу сказать больше. В последние 8-10 лет это направление получило общее признание. Именно то направление, которым я занимаюсь. Уже второй срок я являюсь председателем комиссии по лечебной работе Всеукраинской ассоциации анестезиологов. Это официальное признание ведущего положения в клинической работе, я стараюсь это доверие оправдать. Мы издаем пособия по интегративной медицине. Мы решили на основе интегративной медицины проблему сепсиса. Она нигде не решена. Большинство таких больных умирает.

– *Но вы не на 100% решили эту проблему? Проблема слишком серьезная...*

– На сегодня на 100%, по сегодняшнему уровню знаний. Мы этой проблемой занимаемся примерно 25

лет. По этой проблеме у нас было несколько кандидатских диссертаций. Сейчас будет докторская диссертация. Проблема перитонита, прежде всего, абдоминальный сепсис. Большой сепсисом, если он запущенный, это стопроцентная смерть. Сейчас в США от сепсиса ежегодно умирают несколько сотен тысяч человек. И это в самой передовой стране! Мы смогли не только разобраться и продвинуть дальше эту теорию, и прежде всего, по реакции организма на инфекционный процесс, но и разработали универсальную концепцию энергореституции, восстановления энергопроизводства в организме, что позволяет ему реализовывать естественные защитные возможности, бороться с инфекцией.

– *Что это дало практически?*

– Я могу сказать одно. Это же исследовательский материал. А в руках автора все всегда получается хорошо. Потому что он бьется головой об стенку. Автор работает на конечный результат, чтобы показать товар лицом. Поэтому у нас такие результаты. Если сепсис только начинается, смертность можно полностью предотвратить.

– *За счет активизации собственных энергообеспечивающих процессов?*

– Да, это самое важное для организма. Все экстра-сенсы, которые якобы распределяют энергию, управляют энергией – болтуны и невежды. Энергию каждая клеточка образует только для себя, она ее никуда не может передать. Сколько ни вводи чужой энергии, она не усваивается клетками.

– *Почему тогда экстрасенс может снять боль, облегчить состояние?*

– Так устроен человек, что это возможно. Это самый настоящий гипноз. Эффект плацебо, пустышки. Ты даешь человеку таблетку глюкозы, а ему легче становится, если сказать, что ему предложено новое эффективное лекарство. Я продолжу о сепсисе. При тяжелом сепсисе, с осложнениями, смертность у нас есть, но она меньше 10%.

– *Это в пределах эксперимента. А если взять в целом практическую медицину области?*

– Если в целом по области, то это 35-50%. С полиорганной недостаточностью, то есть, уже умирающего от сепсиса человека, в нашем исследовании летальность составляет 37%. В мировой практике при полиорганной недостаточности практически 100%.

– *Так вы и Америку в этом опередили?*

– Все время стараемся ее опередить. Я ничем другим не занимаюсь. Я не отношусь к числу тех, кто переносит чужие технологии. Мне неинтересно это делать. Правда, у меня был такой период в жизни, длительный период, когда я чувствовал, что все время отстаю. А вот когда я определился с интегративной медициной, разработал новую концепцию, дела пошли лучше.

– *Понятие «интегративная медицина» ваше определение?*

– Понятие «интегративная медицина» было и до этого. Но в нем был заложен иной смысл – чисто философское понятие целостности организма. Оно не

управляет энергопроцессами в человеке. Оно управляет на уровне регуляции, а этого недостаточно. Нужно управлять базальными процессами, которые составляют основу жизнедеятельности. Вот это мы и стараемся делать.

– *Кроме вашей кафедры, в Украине этим кто-то еще занимается?*

– Сейчас есть последователи. Прежде всего, соседи из Днепропетровска используют нашу методику. Я ездил к ним, читал лекции. Они не стеснялись, так сказать, учиться. Это было лет 10–12 назад. А теперь просто используют методику статусметрии. В Виннице, в Хмельницком, в Киеве, в Харькове есть последователи, которые руководствуются этим научным направлением.

– *Родина которого в Запорожье...*

– Пока – да.

– *В дальнем зарубежье знают об интегративной медицине?*

– Вопросами интегративной медицины там занимаются, это вопросы холестической медицины. То же самое – интеграция. Для того, чтобы этим заниматься, нужны научные разработки, которые позволяют определить эту целостность. А они имеются только у нас.

– *Американцы интересовались вашей концепцией?*

– Наверное, интересовались. Потому что в 92-м году меня приглашали в Нью-Йорк на ассамблею последипломного обучения. В 95-м в Копенгаген ездил. Побывал в Австрии и Голландии.

– *Что-нибудь лучшее, чем у вас, по этому вопросу увидели в Нью-Йорке и Копенгагене?*

– Принципиальное отличие в том, что у них есть возможность в реальном времени отслеживать сиюминутные изменения жизнедеятельности человеческого организма. И сразу на них реагировать. У них лучше мониторинг, предупреждение этих осложнений. Поэтому, возможно, и не стоит у них так остро вопрос. Вот, скажем, с той же преждевременной смертью, как у нас.

– *У них есть своя наработанная методика?*

– Нет, у них есть методика определения риска. Не прогнозирование, а определение текущего риска у них прекрасное.

– *А у нас как с этим?*

– А у нас ее нет. У нас нет этой аппаратуры. У них в техническом отношении возможности больше. Но у нас глубже научные разработки. И вот именно потому, что у нас нет такой технической возможности, это заставило нас заняться углубленными научными разработками.

– *Сменить Украину на Америку не предлагали?*

– На постоянную работу меня никто не приглашал. Зачем я им нужен? Они к нам относятся очень скептически. Но меня избрали членом Нью-Йоркской академии наук.

– *Европа пока на Украину смотрит с недоверием?..*

– Нас там не знают по существу. Я привез в Копенгаген в качестве сувенира фигурки запорожских казаков. Отдаю, а они спрашивают: «Что это?». Как я сообразил, не знаю, говорю: «Это украинский викинг». И сразу слышу: «О-о-о! Викинг!». Тут же разобрали сувениры.

– *Григорий Аркадьевич, как сложилась ваша личная жизнь?*

– Тут тоже получается любопытная история. В нашем десятом классе было 42 ученика. 41 парень и одна девушка – Алина. Представьте себе, она выбрала именно меня. С тех пор мы вместе уже более полувека. У нас двое сыновей и три внука. Старший сын пошел по моим стопам. Он тоже врач-анестезиолог, кандидат наук.

– *Чем-нибудь кроме медицины и науки увлекаетесь?*

– Нет-нет, я не растекаюсь. В молодости занимался спортом, увлекался рыбалкой. А теперь остались только воскресные прогулки по Хортице в компании друзей, которых у меня, слава Богу, хватает. Вот и все мои увлечения.

*Николай Зубашенко,
газета «Подробности», 2004 год*

С КОЛЛЕГАМИ И УЧЕНИКАМИ

РАЗДЕЛ III

ПАМ'ЯТЬ СЕРДЦА

Особый день... И Гамбург тих.
Нас не утешит этот стих.
Мы вспоминаем Шифрина:
Врачи, друзья и вся семья.

Пройдем в стихах его путем
И скажем главное о нем:
Как он лечил, и как творил,
И скольким жизнь он подарил.

И почему он был один.
Незрим порою, не ценим.
Мы в неоплаченном долгу
Пред ним на этом «берегу».

Его идей несметный рой
Был недоступен нам порой.
И мыслей ход его не прост,
Косил он нас под полный рост.

Но одно мы знали точно:
Что когда больному срочно
Нужен он, а то умрет,
Он был тут же у ворот.

Мы с ним «горели» и верили тоже,
Мы с ним все время были моложе,
Были умнее... и были «семьей» —
Вот почему будем помнить о нем.

Спасибо, профессор, что были Вы с нами,
Спасибо за ту седину, что Вам дали,
За то, что не всё мы смогли и сумели,
За то, что не те, кем нас видеть хотели.

Но делу мы общему служим, как Вы,
В работе используя Ваши труды.
И пусть на трибунах у нас не «зачет»,
Спасенных людей прибавляется счет.

Вы с нами сегодня, как были вчера,
Не важен наш возраст и даже страна.
Гордимся быть школою мы Шифрина
На службе у жизни и у добра.

Жизнь Ваша прожита вся сполна
Как та чаша, что опустошена.
Но дело, что начато Вами, живет,
Подхвачено нами и не умрет.

За Ваш бесценный труд и опыт,
Который Вами трудно добыт,
Вы не жалели ни себя, ни нас,
Я поднимаю этот тост за Вас!
Один за всех и все – за Вас!

*Светлана Ковалёва,
15.08.2024*

Алина Шифрина

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Отец мой в 41-м ушел добровольцем на фронт, не вспомнив о белом билете, полученном им в тот год. К году 51-ому он майором стал, прошел всю войну победителем и армии не бросал. Служил в Германии, Бресте, везде мы с ним (мама и я) были вместе. А тут его послали служить в бесконечные дали – к границе дальневосточной в Бухту Провидения, срочно. Ни школы там, ни условий, снега и снега без края, а в них военный поселок, весь транспорт – собачья стая. Мне ж нужно было учиться, чтоб в жизни чего-то добиться. Везут меня к бабушке в Харьков и в школу определяют, а то, что в 10-м лишь мальчишки, об этом еще не знают. Мужские и женские школы в то время объединяли, ущерб от раздельной учебы уже хорошо понимали. Слилась семилетка женская и десятилетка мужская, и получилась 105-я школа наша родная.

Пришла я в эту школу первого сентября, открыла дверь класса десятого и... потеряла себя. В растерянности дикой я на пороге стою, а предо мною мальчишки застыли в железном строю. Их сорок больших, красивых, вдвое выше меня, от глаз их, сплошь любопытных, нужна стальная броня. А дальше пошла учеба (я много слабее их), но стыдно учиться на тройки, пришлось приналечь за двоих. На второй парте сидя, оглядываться не смела я, только парт ряд передний виден, стол учителя, лик вождя (на стене – портрет

Сталина). На портрете он улыбался, очень добрым на вид казался. Я от робости очень страдала, и свой взор лишь в него устремляла.

Ты сидел на второй парте сзади и к доске выходил скуки ради, чувствовался авторитет негласный, да и тренер (физрук) ты был прекрасный. Ростом не вышел, а плечи широкие, руки сильные, глазища глубокие, чуб волнистый, хорош с лица. (Только в классе «33» молодца.) Как же так получилось, что с нами «это» случилось? Ведь сначала вокруг меня было хлопцев немало. Как же так все устроено в мире, что амур, словно снайпер в тире, поражает два сердца вдруг и смыкает любовный круг? Ты ходил ко мне заниматься, очень долго не смел признаться, но глаза тебя выдавали, а уста целый год молчали.

А исполнилось мне 18 – ты принес 18 роз, 18 почти черных бутонов, чем растрогал меня до слез. На день твоего рождения я тебе написала стихи, очень слабые, без сомнения, и наивные, вот они:

«Десять лет! Как много они дали знаний, веру в труд, волю к борьбе, они нас в путь грядущий воспитали, в груди зажгли огонь любви к родной стране. Ты помнишь суровые годы войны? Еще мы детишками слыли, а уже собирали лом для страны, читать стихи в военный госпиталь ходили. Не имея тетрадей и книг, в холодной нетопленной школе, мы забывали это в тот же миг, когда учитель нам рассказывал о Зое. Ты будешь сильный волей, как Матросов, и как Сергей Тюленин подвиги искать, на самые сложнейшие вопросы тебя Олег научит отвечать».

Вот такими мы были чистыми, идеалы в нас жили прочно, ты, конечно, мечтал быть чекистом и немножко врачом, это точно. Нас такими сделала школа, атмосфера вокруг и война. На глазах были темные шоры, да и лиха хватило сполна. Я – в войну, а ты с самого детства нёс тяжелых репрессий наследство: «Сын врага народа». А тебе было только три года. Отца выпустили в сорок первом, не найдя надлежащих улик, превратив его в комок нервов – лысый, тощий, беззубый старик. Весил он, когда забирали, что-то около 100 килограмм, а когда его вновь увидели, ровно вдвое он потерял. Радость встречи и снова вместе, вес утерян, но вера жива, о больших перегибах на месте иногда говорил он слова. Много позже 20-го съезда возвратили ему билет, только не было возвращения молодых в мерзость втоптаных лет. Чудом это не помешало все начать с нуля, все сначала, получить диплом инженера, быть во всем достойным примера, сохранить горячую веру в дело партии и вождя и себя не щадить для труда. Ты о нем говорил мне мало (я всё это лишь потом узнала). Часто ездил в командировки – жизнь требовала сноровки. Голос, рост, манеры аристократа и, конечно, ума палата.

Вот о матери я слыхала немало. Что она невропатолог и работает в областной, что она ни за что спать не ляжет, пока ты не придешь домой, что у вас с ней большая дружба, что её военная служба началась в 41-м в июне и бросала по госпиталям. Очень ей доставалось там. Я домой к вам совсем не ходила – тогда это не принято было. А впервые ее увидела, когда степень она защищала. Мать была, несомненно, красивой. Очень пра-

вильные черты. Брови, сросшиеся у переносицы, от нее унаследовал ты. И когда она улыбалась, нитка жемчугов обнажалась. Всё ж характер лицо выдавало, и суровость на нем проступала. Жил ты с матерью, бабушками и отцом, с детства слыл лихим сорванцом, любопытство переполняло, даже травма порой настигала. Только нашей дружбы начало подростковую удадь примяло. После школы мы у меня дома встречались и порой допоздна занимались. Целомудрие нас разделяло, взяться за руки не позволяло. В классе мы не замечали друг друга: я была всем ребятам подруга. Догадавшись, они не удивились, незаметно так отступились.

Что же нас волновало в те годы и переполняло умы, нас, детей лихой непогоды, не забывших ужас войны? Мы старались неплохо учиться, чтобы Родине пригодиться. Кое-кто мечтал о карьере, о машине, об интерьере. Таких было все-таки мало – нас сближала мечта, идеалы. Ну а быт, как он был устроен? В коммуналках ютились по трое, по четыре, по пять соседей и народ, в основном, был беден. Но колечки колбас в магазинах, сыр, балык и икра на витринах, раки, крабы, бычки – все водилось. Постепенно исчезло, забылось. Что же модным было тогда? Натуральные ткани? Да. Шелк, сукно, крепдешин, креп-сатин, креп-жоржет и просто сатин. Брюки-дудочки, плечи ватные, носы узкие, галстуки знатные. Их стилистами называли. Кто смелей был, те им подражали. Женщины носили юбки-клеш, на ногах танкетки, макинтош, лисы чернобурые круг шеи с головой, хвостом. Другие звери (норка, песец) продавались в магазинах, их имели.

Блюзы, буги-вуги, рок-н-ролл в наступление шли на вальс-бостон. Голоса по радио звучали (многие пластинки собирали) популярных звезд эстрады нашей: Клавочка, Бернес, Нечаев Саша, Бунчиков, Утесов, Великанова. А как пела Лидия Русланова! На экранах многие блистали – мы кино любили и актеров знали: Жаров, Дружников, Ладынина, Лучко, Раневская, Олейников, Крючков. Можно вспомнить многих имена и сказать о них прекрасные слова. Фильмы убаюкивали, очищали, с души снимали всякие печали, о наших бедах скромненько молчали (мы этого тогда не замечали). Гордились мы Улановой, Плисецкой, Орловой, Пляттом, Райкиным, Марецкой. Музыку писали Кабалевский, Шостакович и Хачатурян. Ростропович, Рихтер и Козловский в зале филармонии звучал. Гениально камень оживляли, в вечный дар потомкам оставляли образцы монументального искусства Томский, Мухина, Вучетич. Грустно, что работать им порой мешали, время, нервы потихоньку истребляли. Герасимов, Иогансон, Васильев в своих полотнах воспевали время, хоть не было у их типажей крыльев, весь романтизм эпохи выражали. Официально их искусство признавалось, а тех, кто шел вразрез и обнажал запреты, сражали вмиг своих коллег наветы.

В генетике клеймили морганистов, в поэзии – имажинистов. Лысенко стал новатором, героем, Варфоломеевскую ночь устроив. Сейчас слывет предтечею застоев. Саги не слагали о Гулаге и битком набиты были лаги (лагеря). Всем, кого серпом задело горе, страх сковывал уста в безбрежном море. Тех лозунгов, веселых демонстраций, газетных и иных ура-реляций, которыми

кормили нас всегда, не было. Шла обработка сердца и ума. Вот так случилось, что десятки лет скрывали наши власти оборотный лик медали.

Пора вернуться к собственной судьбе, в ней я и ты, и мысли о тебе. Однажды в чудный майский вечер гуляли мы и радовались встрече, случайно ногу подвернула я, присев от резкой боли острия. Ты подхватил меня, стал вывих тот вправлять и вдруг осмелился меня поцеловать. Потом был вечер выпускной, и бал, и танцы, и ребят конвой, и посещение Тараса под луной (в саду Шевченко памятник стоит, о многом нам, потомкам, говорит). Ты после школы знал, куда идти – в мединститут вели твои пути. Мать очень умной женщиной была: свою любовь и сыну привила. Ты был при ней во всех госпиталях, больничный быт стоял в твоих глазах. Когда ты к раненым в палаты забежал, сынишку им и дом напоминал. От них мать много писем получала, их часто к новой жизни возвращала и с радостью, что живы, вслух читала, и этим тоже сына приобщала. Когда мать начала писать работу, ты помогал, чем мог, и разделял заботы. Так выбор сделан был на весь дальнейший путь, чтоб никогда ни в чем себя не упрекнуть.

Со мною дело обстояло хуже. В мединститут хотелось мне. Он был мне нужен. Но побоялась рисковать – туда могли и не принять. На это были основания, пришлось гасить свои желанья. К тому моменту все газеты протрубили: врачи-евреи изменили, навредили, кого-то из элиты отравили. Кампанию открыли, их травили. Со смертью Сталина наветы прекратили, а сколько судебных изломили, погубили, умы в угаре шовинизма утопили. С

трудом я поступила в ХПИ без всякого желанья и любви. Учились оба мы прилично, и в общем только на отлично. Но было мне не интересно, все серо, буднично и пресно, и очень скоро стало ясно, что в ХПИ пошла напрасно. А бросить страшно. Поступать сначала? Могли не взять. Я понимала. Потом свою работу не любила и радости в ней мало находила. Как важно в выборе пути не ошибиться, ведь горько без призвания трудиться.

Иначе все сложилось у тебя, и в этом счастье нынешнего дня. Пожалуй, с первых лет учебы в институте ты отдавался ей в любой своей минуте, вплоть до сегодня, учишься сейчас и на работе, и в полночный час. Ты интенсивно жил все 30 с лишним лет, черпая в знаниях радость, стимул, свет. Что сам постиг, другим передаешь, и снова ищешь, и вперед идешь. Тогда, учась, ты раскрывался вновь – все увлекало: спорт, охота и любовь. На первых курсах ездил с культбригадой, вел конференс, и смех служил наградой. Слово «реанимация», её азы, её начало из уст твоих в 53-м прозвучало. Тогда прочел Неговского не без труда: «Терапия агонии и клинической смерти», и сразу же в тебя вселились черти. Меня и друга Коробейника позвал и рассказал о том, что сам узнал. Своей горячностью обоих заразил, на практике проверить все решил. Володя бросился на поиски котов, взяв чемодан, чтоб не было следов. Коты домашние все были. Хозяйки плакали, котов не находили, а мы, когда родители уехали, смонтировали установку над столом, чтоб кровь пускать и умерщвлять котов. И тут же по науке оживлять, свои пути в ней пробовать, искать. Мне по-

ручили протокол писать и про себя эмоции держать. Короче, истребили пять котов, и каждый очень скоро был готов. Шестой – беременная кошка оказалась, отчаянно она сопротивлялась. Мои коллеги дрогнули, смутились, эксперименты тут же прекратились. До этого к нам совесть не являлась, а благородство цели представлялось.

Мне все казалось интересным, для постижения наук полезным. Так рядом бы всю жизнь трудиться. Не довелось осуществиться. Встречались мы немного реже, но наши чувства были те же. Как мог ты многим увлекаться! А я старалась не бояться возможных поводов расстаться. Порой и ревностью томила, когда причина находилась. В огромном доме нашем жила твоя сокурсница – милее, аппетитнее и краше не часто встретишь, да к тому же умница. Ты заходил к ней – общие дела, а я скрывала горечь, как могла.

Спектакли в театрах мы не пропускали. Тогда в украинском талантливо играли Марьяненко, Сердюк и Чистякова, а в русском – Лерман, Шеремет и Столярова. Балет и опера, те послабее были, но все равно, мы и туда ходили. Четыре года до женитьбы мы встречались, почти не ссорились. Лишь летом расставались. Тогда на верность чувства проверялись. Мы ежегодно ездили в колхоз (на старших курсах только нас освободили). Там не встречали нас с букетом роз, но все же это время мы любили, и там в общении радость находили. Так беззаботно юность пролетела, душе тепло, в ней нет следа метелей. Зато в ней было всё: учеба, цель, надежда, и вера, и любовь, и нежность.

Мои родители с Дальстроя возвратились. Отец пошел работать на гражданку. В огромной новой комнате обжились, жаль только, получили коммуналку. Теперь жила я на Свердлова. Ты возвращался поздно. Нервничали дома. А мы подолгу не могли расстаться: зимой в подъезде так уютно целоваться. Однажды в полночь, возвращаясь со свиданья и после долгого трамвая ожидания, с подножки спрыгивая, ногу подвернул, домой добрался и в постель нырнул. К утру нога распухла, онемела, а я к тебе домой прийти не смела. Пора пришла кончать встречаться, жениться и не расставаться. Мои родители, конечно, были рады, а мать твоя всё строила преграды: «Вы институт сперва кончайте, а там уж брак свой оформляйте». Был и другой негласный довод – жизнь окружавшая давала повод. Впервые ты послушаться решил, завидное упорство проявив. Оставили мы в ЗАГСе заявление, а дома вел ты настоящее сражение. Меня в него почти не посвящал и в новой жизни счастье обещал. Мне было очень счастливо с отцом, пришла пора, и вот я под венцом.

31 января 1956 года, мороз трескуч, свирепая погода, потом таких морозов не бывало, по крайней мере я не замечала. Ты прибежал ко мне с букетом роз, в озябших пальцах в дом весну принес. Улыбка робкая на смерзшихся губах, и туфли летние в честь даты на ногах. Душа моя, как лист, затрепетала. Я от судьбы большого счастья ждала. Казарма – ЗАГС – нас холодом встречала и канцелярщиной своею отвращала. Потом ты черный лимузин остановил. Мотор кряхтел и глох, и на морозе стыл. Назло другого рядом ничего. С тру-

дом довез он нас до дома твоего. Казалось мне, что там нас праздник ждет, и стол накрыт, и мать пирог печет. Когда ж ты дверь открыл, я просто онемела, желать бы недругу такого не посмела. Не убрано, хаос окрест, вся мебель сдвинута с привычных мест. У матери головушка болит, о том на лбу повязка говорит. И веет холодом таким. Что уличный мороз в сравнении с ним?! Все матери от ревности страдают, и браки ранние подчас их возмущают, но чаще свой протест в душе скрывают или родным, подругам изливают, а сына по-хорошему встречают. Вперед же забегая, я скажу, как на духу всю правду доложу: мы прожили с ней вместе много лет, и дружбы нашей наступил расцвет.

Её за многое я очень уважала, но матерью ни разу не назвала, хоть очень больно этим обижала. Злопамятной я вовсе не была, но изменить себя я так и не смогла. Таков был страшный стресс тогда, засела в мозг заноза, как игла. Теперь прощения прошу и эту исповедь пишу.

Вернусь в тот день, вернее, вечер. На шесть планировалась встреча, не в ресторане, как сейчас, а дома у меня на этот раз. Пришли друзья, мы танцевали, пели и наконец-то душу отогрели. И мать пришла с подарками, цветами. Уже с улыбкой. Посидела с нами. Поздравила. Потом ушла домой. И все ушли. Остались мы с тобой... Ну вот и все от первой нашей встречи и до гулянья в наш свадебный вечер.

О, юность безмятежная, стремительная, нежная, мечтою окрыленная, в огромный мир влюбленная, в сужденьях непреклонная, вся в завтра устремлённая – волшебная пора!

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ ИМЕЕТ НАЧАЛО, НО НЕ ИМЕЕТ КОНЦА

*Единственное стихотворением мужа (несмотря
на десятки написанных научных трудов),
которое он посвятил мне в канун 1953 года.*

Ты пришла к нам в класс совсем девчонкой,
маленькой, серьезной и простой.
Ты сидела за передней партой,
ножки милые не доставали пол.

И еще тогда, в десятом классе,
стала ты мне близкой, дорогой,
хоть и презирал я даже всех девчонок
глупой головой.

Нечего греха таить, бывало,
слушая товарища ответ,
часто я косился на ту парту,
нарушая мысленный запрет.

Становилось сразу мне неловко,
ведь товарищей бивал не раз,
не терпел, а вот от этой
отвести не удастся глаз.

Я хотел избавиться от чувства:
как-то не к лицу секретарю-
женоненавистнику влюбиться,
нарушая заповедь свою.

Часто мы по глупости считаем,
что достоинство – любви не знать,
хочешь ты быть честным, смелым,
и всегда стремишься женщин презирать.

Это все зовут мальчишеством,
но я нарочно
облик твой ревниво изучал,
все хотел найти в тебе плохое,
ничего не вышло, время лишь
напрасно потерял.

Навсегда запомнил я ту дату,
снежное январское число,
в вечер тот прекрасный новогодний
ясно стало, что оно пришло.

Ты меня зажгла, как праздничную елку,
с той поры стремлюсь стать лучше я.
Вот что делает любовь, ребята,
с ней ничто не страшно для меня.

Где б я ни был, что бы ни случилось,
навсегда запомнил я тебя,
твои очи нежно-голубые,
твою душу, полную огня.

И какие б ветры в грудь ни дули,
никогда свирепым не задуть
тот огонь, что ты мне подарила,
ясен стал мне моей жизни путь.

Харьков, 1952 год

Выпускной 10 класс. Харьков, 1952

Наш класс годы спустя

Запорожъе, 1984 год

Алина Шифрина

50 ЛЕТ СПУСТЯ

Маленький скверик напротив Госпрома вблизи от нашего общего дома. «Красный Промышленник» – так его звали, и там свою юность мы отгуляли. Сумерки. Лето. Стихи прозвучали. В то лето как раз мы десятый кончали. Нежные чувства любви и печали тогда наши души переполняли. Твой путь в медицинский. Туда мне не светит. Нас разные судьбы ведут по планете. Но случилось иначе, и судьбы совпали. Только больше стихи в адрес мой не звучали. Я голос твой слышу, как будто вчера. А жизнь уж промчалась. Была ль? Не была? Пять добрых десятков. Счастливых? Не только. Но всё пережили постольку-поскольку. Ты делал дело большое и нужное, семью считали ячейкою дружною. Стыдиться нам нечего прожитых лет, и тот, что в день свадьбы мы дали обет, исполнен. Дети хорошие, внуки растут, мы вместе. Не дрогнул семьи институт. К этому следует добавить честно: было с тобой всегда интересно, твой кладезь познаний безбрежен, велик, пятой Ахиллесовой стал лишь язык. Но лет через пять он появится, верю, и нам в рай обоим распахнутся двери.

Нас спросит всевышний: «Жива ли любовь?». Ответ однозначен: «Свершится пусть вновь». Исправим ошибки, устроим детишек, еще бы по паре девчонок, мальчишек. Чтоб жили, любили и гимны творили тебе, Господин, и планете Земля, где все безупречно от «А» и до «Я». Лишь темные, жадные не видят это и катится эхом террор по планете. Смогут ли сохра-

нить её люди? Загадка. Но в лучшее верить будем. Сгорит и останется с нами и снова взметнётся весной берёзы зеленое знамя и ветер тревоги земной, и звёзды, дрожащие зыбко, и родины нашей огни, и женщин любимых улыбки, – вовек не погаснут они. Вовек не окончится чуду, как море, шумит бытие, *любовь* оставляет повсюду земное бессмертье своё.

ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА

Жизнь прошла как одно мгновение, она вся в стихотворениях. Точнее, даты разные, а к ним поздравления.

Как мать, решил ты стать врачом, чтоб человека в трудный час спасти и радость жизни возвращать. Итак, первый курс, ты приходишь реже, но новостей так много свежих. На третьем курсе культсектором стал, на четвертом – ночных дежурств поднабрал, чтоб опыт в профессии подрастал. Окончен институт, началась работа – день и ночь до седьмого пота. В Изюме, Харькове, Запорожье. Кандидатская диссертация была в Курске защищена, докторская – в Москве. Обе похвально встречены были. А речь академика Вишневского на защите второй – до сих пор не забыли. Шли операции, издавались книги, отстаивали свои труды диссертанты. Откуда только брались у тебя таланты? Поездки с лекциями по городам и весям. Яркий путь по жизни был интересен. Инфаркт однажды подкосил, когда шел на работу, больше чем полгода были с ним заботы...

Поездка в Германию: сердце сдаёт. Немецкие врачи больное сердце спасут, слава Богу, 17 лет с нами

он тут. Регулярно ездил отсюда работать в Украину, а когда перестал, на английском очередную книгу издал. Вторая книга в работе, в болезнях, труде и поте. Митохондрии сегодня в работе. Они в нашей жизни в ответе за все проблемы. Авторское получил в апреле 24-го – жаль, нет фотографии его, улыбающегося и гордого. Сердечко барахлит часто, и книгу хочет сделать он классной будущим поколениям в подарок, чтоб итог жизни был красив и ярок.

В Германии отмечали свадьбу золотую, вспоминая её, я и сегодня ликую. Золото, золото, золото лет ставит на дате отчётливый след: в танце осеннем, искрясь и играя, с нами кружится листва золотая. Всплывают в памяти лица родных и друзей, собрать бы их завтра на наш юбилей – молодые, счастливые – как тогда, в день рождения, в первый раз, поздравленья прекрасны, слёзы счастья из глаз. Прошагали мы вместе столько лет, столько зим – голос памяти вечен и неотразим. Сколько прожито, пройдено в жизни дорог! А по сей день неведом изобилия рог. И не в нём притаились от счастья ключи. Счастье в чувствах друг к другу, они горячи. Полыхают в костре. На двоих он один. И погаснув, оставят драгоценный рубин. Перейдёт по наследству он к детям и внукам – мир так устроен, что ждёт нас разлука. А любовь?! Она вечна, и нет ей преград – пусть цветёт в каждом сердце любви дивный сад!

90 ЛЕТ СО ДНЯ НАШЕГО РОЖДЕНИЯ И 69 ЛЕТ СО ДНЯ СВАДЬБЫ

Жизнь прожить! Какое это счастье! Утром встать и распахнуть окно: «Здравствуй, друг мой, милый добрый зайчик, светлое веселое пятно! Здравствуй, солнышка восход светлейший, мне принесший аромат полей и поутру чистый воздух пряный, сообщи заряд мне посильней! Чтоб не рвались звёзды над планетой, чтоб из пепла возродился родной край, чтобы поскорее в Украине воцарился настоящий рай. Родина, слава тебе! Любовь будет жить к ней в тебе и во мне.

Летающих дней точнейшие весы всё проверяют, взвешивают снова, и вот сейчас, в объятиях беды, жизнь подытожим и дадим ответ, что мы имеем и что нет. 69 лет брака – это есть. Есть ли сын – слуга науки, ныне заслуженный пенсионер, что не часто звонит в нашу дверь? Есть, есть, есть. Есть ли у него жена? Есть, есть, есть. А жена его Людмила так прекрасна, как Земфира, большой начальник на работе, правду режет на высокой ноте. Есть ли взрослые внуки – слуги науки? Есть, есть, есть. Это Гриша, Андрюша, Антон. Хоть каждого сажай на трон. Умелые, красивые и добрые. Специальностями наделены, детишками окружены. У Гриши их четверо: мальчик и три девочки. У Антона и Андрея пока по одной девочке.

В сентябре в этом году мне исполнится 90 лет, для супруга эта дата ожидалась в октябре. Что такое 90, но ещё не 100? Это значит жить не просто: жить в простое и без роста. Было ли в наших с мужем харак-

терах геройство, моряков отважных свойство? Был ли острый зоркий глаз, чутких рук высокий класс? Сила мышц? Только у мужа. В юности он спортсмен, охотник, рыбак. Увлечений было много, без них никак. Свойственно ль нам тепло души? Да, да, да. А тяжесть дум в ночной тиши? Да, да, да. Есть друзья – души отрада? Есть, есть, есть. Осталось мало. Многих смерть уже забрала. Но не в мыслях, как бы не всерьёз. В каждом дне немало слёз.

Жизнь с любимым – это счастье. Так нужно утром слышать: «Здравствуй!». Желаю правнучкам, правнуку и внукам в любви прожить всю жизнь без скуки, беречь любовь, как зеницу ока. Жизнь без любви – одна морока. Вывод: молодым на много лет путь открыт. Зелёный свет для побед. Не в стихах и не в молитвах, а в суровой жизни битвах. А с 90 начиная, всем тихо сосуществовать, лекарства меньше принимать, потомками любоваться, их успехам восхищаться.

Примечание: писала текст до наших дней рождения.

А не стало любимого мужа 26.07.2024.

Похоронен Григорий Аркадьевич Шифрин в Гамбурге (Германия), Альтона № 2048–2024.

МГНОВЕНИЯ ЖИЗНИ

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМ'ЯТІ КОЛЕГИ	9
РАЗДЕЛ I. УЧЕНЫЙ.	13
ПРО НОВІ ТЕНДЕНЦІЇ ІНТЕНСИВНОЇ ТЕРАПІЇ.	14
ПРОФЕСОР Г. А. ШИФРІН: ПОЧАТОК ЖИТТЄВОГО...	19
ПРОФЕСОР Г. А. ШИФРІН – ВІД ПРОГРАМОВАНОЇ...	27
О ВИТАЛИЗМЕ	35
ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Г. А. ШИФРИНА	37
РАЗДЕЛ II. УЧИТЕЛЬ.	39
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ	40
УЧИТИСЯ ВСЕ ЖИТТЯ!	52
ДОЗЕМНИЙ УКЛІН ЗА ДОБРО І МУДРІСТЬ	53
ТРИ ПРАВИЛА ВЧИТЕЛЯ	54
СВІТІТЬ, ПРОФЕСОРЕ, І НАДИХАЙТЕ!	55
ПАМ'ЯТАЄМО, ПРАЦЮЄМО, ПЕРЕМАГАЄМО!	57
МОЯ ВДЯЧНІСТЬ – ДО НЕБА!	57
ДЛЯ НАС БИЛОСЯ ЙОГО ВЕЛИКЕ СЕРЦЕ.	58
ЗАГАДКА ШИФРИНА	60
СПОГАДИ СІМ'Ї БАБЕНКО (БЕРДЯНСЬК).	62
ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЮБИМОМ ПРОФЕССОРЕ	62
СПОГАДИ ОЛЕНИ БАБЕНКО (МОЛОДШОЇ)	65
ГЛАВНЫЙ АНЕСТЕЗИОЛОГ РЕГИОНА	69
С КОЛЛЕГАМИ И УЧЕНИКАМИ	92
РАЗДЕЛ III. ПАМЯТЬ СЕРДЦА.	95
ПАМЯТЬ СЕРДЦА	98
НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ ИМЕЕТ НАЧАЛО, НО НЕ ИМЕЕТ КОНЦА.	108
50 ЛЕТ СПУСТЯ	114
ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА.	115
90 ЛЕТ СО ДНЯ НАШЕГО РОЖДЕНИЯ И 69 ЛЕТ СО ДНЯ СВАДЬБЫ.	117
МГНОВЕНИЯ ЖИЗНИ	119

Біографічне видання

ЛІКАР ВІД БОГА
Пам'яті професора Г. А. Шифріна

Редактори-упорядники
Аліна Шифріна, Валентина Редя

Відповідальний редактор
Олександр Лазутін

Коректор
Геннадій Семенов

Дизайн і верстка
Ігор Князєв

Світлини з особистого архіву родини Шифріних.

Формат 60X84/16. Папір крейдований. Друк цифровий.
Обсяг 7,44 ум. друк. арк.

Видавництво «Дике Поле»
Україна, 69063, м. Запоріжжя, вул. Троїцька, 31-а.
Тел.: 050-454-07-61
Пишіть нам: dikoepole.zp@gmail.com

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ЗЗ № 004 від 23.08.2001 р.